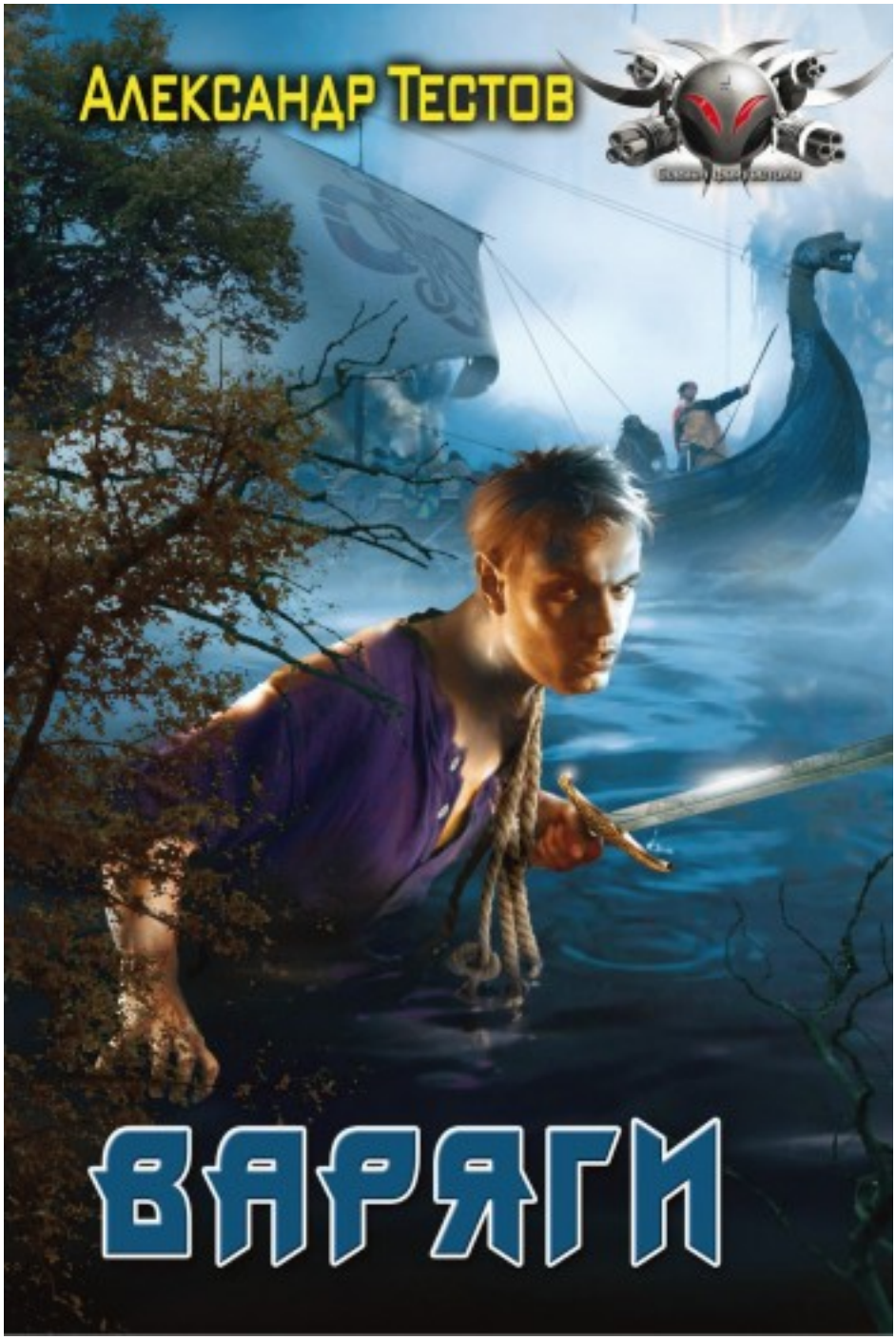
Александр Тестов
ВАРЯГИ

Александр Тестов

Варяги

Серия «Варяги», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=303172
Варяги: Ленинградское издательств; Санкт-Петербург; 2009
ISBN 978-5-9942-0427-6

Аннотация

Их трое и они разные, не похожие друг на друга. У каждого свои причины вернуться домой, но они оказались очень далеко от него. Настолько далеко, что пути назад нет. Остается продолжать жить и надеяться. Надеяться на себя и на друга. Но жизнь в далеком прошлом сурова и безжалостна, и друзья не знают, что им предстоит потерять… или кого.

Содержание

От автора 4
Пролог 5
Часть первая 11
Глава первая 11
Глава вторая 23
Глава третья 30
Глава четвертая 37
Глава пятая 43
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Александр Тестов
Варяги

От автора

Автор просит читателей обратить внимание на тот факт, что данное произведение не является строго историческим. Даный литературный труд – это историческое фэнтези, хотя в книге и использованы некоторые исторические и географические названия. Автор убедительно просит читателей отнестись к этому произведению именно с этой позиции. Все персонажи вымышленные, а все совпадения в той или иной мере случайны.

Автор выражает признательность Анне Райхман за оказанную поддержку в начинании и огромное терпение.

Посвящается моему другу Павлу Юрьевичу Орлову, которому принадлежат некоторые крылатые слова и афоризмы, используемые в данной книге.

Когда-то плавились мозги
При виде замкнутых цепей,
Теперь мы перемалываем кости
Давно заброшенных идей!

Нам безразличны эти мысли,
И вам нас точно не понять,
На переправе мы меняем лошадей
И мчимся. Только б не стоять.

Пролог

Иногда происходит даже то, что никогда не происходит.

В Южно-Африканской Республике несгибаемый борец за права чернокожего населения Нельсон Мандела дописывал шестнадцатую главу своей автобиографии, а в Российской Федерации заканчивался второй день Выборгского фестиваля.

Прошли бои и выступления музыкантов, туристы схлынули за стены замка, а участники, уютно разместившись вокруг костров, вечёрили. Солнце почти спряталось за горизонтом, становилось темно. Эта ночь в начале августа обещала быть теплой.

У спуска к воде Андрей, рыжеволосый парень двадцати пяти лет от роду – реконструктор с трехлетним стажем – созерцал догорающий закат с кружкой пива в руке. Он не причислял себя к романтикам, но именно сейчас ему захотелось побыть в одиночестве. В прошедшем турнире он дошел до полуфинала и проиграл. Проиграл до обидного быстро, и кому? Ролевику! Он не любил ролевиков, считая их несерьезными, поверхностными и не знающими истории. Их игры его раздражали, он считал это ребячеством, ведь ролевики не использовали настоящее оружие, а рубились на дюралевых и текстолитовых клинках, – какой позор! Да и доспехи их, хоть и были железными, не имели ничего общего с историческими аналогами. То ли дело реконструкция – это вам не игра, это дело серьезное. Необходимо иметь костюм и доспехи, четко соответствующие историческим аналогам реконструируемой эпохи, идеально – чтобы было археологическое или летописное подтверждение. Только так, а как иначе?! Одежду следует шить только из домотканой ткани. Швы – исключительно вручную, тесьма плетется непременно с историчными узорами и чтобы никакой «фэнтезятины». Именно таким и был Андрей – правильным и помешанным на истории. А этот невесть откуда взявшийся ролевик «сделал» его на сорок пятой секунде. И ведь не участвовали раньше ролевики в Выборгском фестивале, не их это праздник. А этот заявился и победил – вот ведь незадача.

Андрей жадно отпил пива из глиняной кружки. Он еще раз вспомнил неприятную минуту своего поражения. Быстро… Все произошло слишком быстро! Андрей всегда считал, что ролевые игры – это что-то сугубо из мира эльфов, гномов и высокородных принцев «Десятого королевства» ну и всех иже с ними, чтоб им пусто было. А этот еще при регистрации на турнире объявил, что не реконструктор и ни в каком клубе не состоит, и что он вообще ролевик – вот нахал! И ведь заявился, прошел регистрацию, и одет был правильно, то есть исторично, и мечом владел хорошо. Андрей мечтал наказать его за наглость, но не вышло – обидно! Осушив очередную кружку, закурил; из початой двухлитровой бутылки пива, стоявшей рядом у ног, он вновь наполнил свою тару. Назавтра был назначен общий бугурт, и Андрей твердо решил встать в строй напротив этого ролевика и «угостить» его «по-взрослому».

Докурив, он с силой отбросил окурок в воду.

– Привет! – неожиданно донеслось из темноты.

Ошарашенный реконструктор так резко развернулся, что пиво выплеснулось из кружки.

– Чего подкрадываешься? – недобро спросил он незнакомца.

Тот приблизился почти вплотную, чтобы сидевший у воды смог его разглядеть. Подошедший был на голову выше реконструктора и шире в плечах.

– Не признал?

Андрей оглядел гостя: высокий, крепкий парень, с русыми не длинными волосами, одет в исторический костюм с наборным поясом, на котором висел двадцатисантиметровый нож в ножнах. Он был без шапки и держал под мышками две двухлитровых бутылки пива.

– Ты?! – не поверил реконструктор.

Ролевик протянул руку и представился:

– Вадим.

Руку пришлось пожать.

– Чего надо?

– Да вот, пивка хочу с тобой выпить.

Андрей еще раз посмотрел на принесенные гостем бутылки.

– Так у меня есть.

Вадим поставил пиво на землю и сел сам.

– Давай-ка вместе выпьем, – предложил он, открывая одну бутылку, – вот только я кружку забыл, придется из горла.

Реконструктор вылил в кружку остатки своего пива и отставил пустую бутылку в сторону.

– Ну, давай выпьем, – выдавил он из себя.

Они молча выпили. И потом еще долго сидели в наступивших сумерках.

– Трубку будешь? – предложил Вадим, первым нарушив затянувшееся молчание.

– Что, типа трубку мира?

– Ну, что-то типа того…

– Набивай.

Вадим набил трубку ароматным табачком и, раскурив, протянул реконструктору.

Андрей сделал несколько затяжек.

– Хороший табачок, – похвалил он, возвращая трубку.

– Что есть – то есть, – ответил ролевик. – Недавно «пересел» на трубку с сигарет, так курить бросаю.

– Все равно ведь куришь.

– Так тут пока трубку набьешь, почистишь… Вообще не быстро.

От ближайшего костра, где веселились члены какого-то клуба, донеслись звуки гитары и зычный бас затянул:

Как на поле Куликовом просвистели кулики,
И в порядке бестолковом вышли русские полки…

Через секунду десятки глоток подхватили бравую песню:

Как дыхнули перегаром, за версту от них разит,
Значит, выпито немало. Значит, будет враг разбит!

Недавние поединщики прислушивались к словам и с каждой новой строкой улыбались все шире.

Александр Святославич в ратном деле знает толк,
На засаду через речку он повел отборный полк…

Песню не пели – ее орали, да так, чтобы слышали все соседние команды. Грустить больше не хотелось, душа требовала продолжения, поскольку пиво и, что особенно обидно, табак закончились.

Перебрались через речку с криком, матом удальцы,
А назад дороги нету, в речку брошены концы.
Как дыхнули перегаром – за версту от них разит,
Значит, выпито немало. Значит, будет враг разбит!

На последних аккордах до них донесся крик.

– Вадя!!! Хлопин!!!

Вадим обернулся и в свете ближайшего костра заметил Павла. Тот кружил среди отдыхающих реконструкторов явно в поисках друга, озираясь по сторонам и вглядываясь в лица. Шумная среда любителей истории была ему в новинку, и он чувствовал себя не очень уютно. Вадим как-то забыл, что оставил друга ждать у палатки, пообещав скоро вернуться. Павел приехал на фестиваль как турист и посему не имел исторического костюма, а Вадим запретил ему шататься по замку в одиночку.

– Вот, блин, забыл – это, кажись, меня потеряли, – поднимаясь, сказал он Андрею.

Поднявшись, Вадя помахал рукой другу, забавно смотревшемуся в джинсовом костюме среди реконструкторов, и громко позвал:

– Пашка! Я здесь, иди сюда!

Реконструктор тоже обернулся и, увидев приближавшегося Павла, бодро произнес:

– А вот и пиво!

Пашка явился действительно не с пустыми руками. Он тащил приятно округлый жестяной бочонок пива, обхватив его одной рукой и прижимая к груди, как младенца. В другой руке он сжимал стопку больших одноразовых стаканов.

– Я тебя везде ищу, – укоризненно произнес вновь прибывший. – Ты чего тут на берегу маскируешься?

Пашка демонстративно поставил перед Вадимом бочонок и тут увидел Андрея, рядом с которым валялись пустые бутылки.

– Вот так, значит! – друг ролевика упер руки в боки. – Я тебя ищу, а ты уже готов!

– Паха, давай-ка не бузи, – шутливо оборвал его друг. – Лучше открывай, турист ты мой разлюбезный!

Через секунду вожделенный бочонок был вскрыт, и пиво, издавая приятный аромат, вспенилось в пластиковых стаканах.

– А курево есть? – с надеждой в голосе спросил Вадим. – А то трубку бить не охота.

– Есть, а как же, – весело ответил Пашка.

– Отлично, просто великолепно, – вставил реконструктор и протянул Пашке руку. – Меня зовут Андрей, можно просто – Сигурд.

– Павел, можно просто Паша, – пожав руку, гордо произнес тот.

– Вот и познакомились, – резюмировал ролевик. – А теперь, внимание, тост! За наше случайное знакомство!

Все трое расплылись в довольных улыбках, вспомнив слова из известного кинофильма. Три пластиковых емкости коснулись друг друга, всколыхнув не осевшую пену, и парни залпом влили в себя хмельной напиток.

* * *

Становилось душновато, в воздухе ощущалось приближение грозы. Темнота опустилась кромешная, мрачные тучи закрыли и звезды, и луну. Участники фестиваля, приняв последнюю дозу горячительного, стали укладываться по палаткам и шатрам, лишь самые стойкие продолжали держать оборону у затухающих костров. Оборону держали крепко и

задорно. Кто-то из украинских друзей огласил замковое пространство старинной озорной песенкой:

Ты казала в понедилок
Пидем разом по барвинок.
Я пришел, тебе нема
Пидманула, пидвела.
Ты ж мене пидманула, ты ж мене пидвела,
Ты ж мене, молодого, с ума-розума свела.

А так как ночное бдение не возможно без девушек, то и в ответ тут же раздалось:

Я ж тебе, я ж тебе пидманула,
Я ж тебе, я ж тебе пидвела,
Я ж тебе, я ж тебе, молодого, с ума-розуму свела.

Содержимое бочонка, принесенного Павлом, неизбежно заканчивалось, а гроза неизбежно надвигалась. Прошло не больше часа со времени их общего знакомства, а они уже успели порядком «набраться» и теперь совсем по-приятельски обсуждали предстоящий завтрашний бугурт.

Ты казала у ви второк поцелуешь разив сорок…

Однако предвкушения воинских забав не очень радовали туриста, его потянуло на приключения и именно сейчас:

– А полезли на башню, – предложил изрядно захмелевший Павел, указывая в сторону, туда, где неясно виднелись очертания выборгской башни святого Олафа.

– Ты чо? Нас же не пустят! – заплетающимся языком пробормотал реконструктор.

– Пустят! – почти твердо произнес Вадим, пытаясь ударить себя кулаком по коленке и промахиваясь. – А не пустят – возьмем штурмом.

– Точно, штурмом! Пошли, – скомандовал турист, поднимаясь первым.

Ты казала у ви второк поцелуешь разив сорок…

Сверкнула ослепительная молния, на секунду стало светло как днем. А через мгновение где-то совсем близко громыхнуло.

– Вот, и ваш Один или как там его… тоже согласен! – указав пальцем на небо, произнес Пашка, хватаясь за друга, чтобы не упасть.

– Точно! – подтвердил друг.

– Железно, – кивнул Андрей.

Ты казала во середу пидем разом по череду…

На преодоление непреодолимого препятствия в виде тети Глаши, которая на просьбу пропустить их в башню отреагировала как истинная валькирия, ушло почти двадцать минут. Тетя Глаша, как истинный сторож, вооружившись метлой, пыталась преградить путь троим нагло рвавшимся внутрь бойцам.

– Не пущу! – кричала она, отбиваясь от наседавшей на нее троицы.

В небе опять громыхнуло, и сверкнула молния. Брать башню действительно пришлось штурмом.

Ты казала у читверг пидем разом на концерт…

В итоге Вадим и Андрей обошли ее с двух сторон, пока Павел атаковал «в лоб».

Дверь за спиной пожилой валькирии скрипнула, она обернулась, и друг ролевика юркнул под грозно занесенной метлой. Воссоединившись, троица проскочила вовнутрь башни, и дверь перед носом бабы Глаши закрылась.

– У-у-у, ироды окаянные….

Ты казала у читверг пидем разом на концерт…

Для хмельного организма путь на самый верх был тяжел и труден – шутка ли такая куча метров вверх, да по крутой лестнице. Преодолевая пролет за пролетом, все трое наконец выбрались на крышу башни, вернее, на ее карниз шириной в метр. Пока они превозмогали этот сложный путь, гром раздался еще несколько раз.

Ты казала у пятницу пидем разом у светлицу…

– Красотища, – первым воскликнул реконструктор, выйдя на смотровую площадку.

– Что есть – то есть, – подтвердил Вадим.

Павел промолчал. Небо очередной раз озарилось яркой вспышкой, и друга ролевика стошнило. Он перегнулся через перила и с высоты птичьего полета исторгнул из уст своих все содержимое желудка. И тут снова громыхнуло. Два недавних противника по турниру тут же схватили Павла за руки, чтобы тот не свалился вниз. С неба, за мелькнувшей молнией, упали первые крупные капли летнего дождя.

Ты казала у субботу пидем разом на работу…

– Ну, ты как? – спросил друга Вадим. – Живой?

Павел откашлялся, сплюнул, но сказать ничего не смог.

– Эк угораздило же тебя, – не унимался друг, – небось, в лагере водки выпил?

Пашка обреченно кивнул. Вновь сверкнула молния.

Ты казала у нидиле пидем разом на висилье…

– Это ты зря, – пожурил его реконструктор, – водка с пивом…

Последних его слов никто не расслышал, громыхнуло совсем рядом, да так, что заложило уши. Затем опять сверкнуло, больно резанув по глазам. Павел совсем ослаб и тяжело повис на руках друзей. Следующий громовой удар почти оглушил. А очередная молния электрической стрелой врезалась в карниз башни всего в двух шагах от парней. От удара металлический карниз задрожал, и все трое, не устояв на ногах, припали к ограждению. Решетка не выдержала напора трех крепких тел и прогнулась. Звуковая волна дрожью отозвалась во всем теле.

– Ложись! – крикнул Вадим реконструктору и стал заваливать на себя повисшее на руках тело Пашки. Дождь пошел чаще, яростно забарабанив по жестяной кровле башни, и мгновенно намочил весь карниз.

Молния вновь метнула свои стрелы, а очередной оглушающий удар, казалось, накрыл всю вселенную. Не выдержав испытания, карниз прогнулся, и по скользкой поверхности все трое скатились до перил. Только сейчас Вадим заметил, что держит Пашку один. Андрей, отпустив его, двумя руками вцепился в ограждение, пытаясь удержаться, чтобы не упасть вниз.

– Славно погуляли, – едва слышно произнес Вадим, и в следующую секунду перила ограждения со скрежетом оторвались от карниза.

Первым начал падать Андрей, а тело Пашки поползло, увлекая следом за собой и Вадима. Ролевик пытался ухватиться одной рукой за сам карниз, но рука предательски соскользнула.

Вадим слышал дикий крик летевшего камнем вниз реконструктора, и из его рта невольно вырвался не менее душераздирающий вопль отчаяния. В воздухе его развернуло, и теперь он летел лицом к земле, видя, как быстро приближается булыжная мостовая замка. «А ведь иногда люди выживали, падая и не с такой высоты», – обманчиво мелькнула спасительная мысль в унисон со вспышкой молнии. Он уже был готов встретиться с землей, успев подумать, что падает как-то неестественно медленно, но страх и следующий раскат грома заглушил все мысли и лишил сознания. Уже где-то далеко в холодном и бесчувственном космосе горланили румяные девки:

Я ж тебе, я ж тебе пидманула,
Я ж тебе, я ж тебе пидвила,
Я ж тебе, я ж тебе, молодого, с ума-розума свела.

Метеоритный дождь из ярких, стремительно мелькающих звездочек проносился мимо и затихал.

Я ж тебе, я ж тебе, я ж тебе, я ж тебе…

Часть первая
Осознание себя

Их домы вихорь разметал,
Их гробы срыли плуги,
И пламень ржавчины сожрал
Их шлемы и кольчуги;
Но дух отцов воскрес в сынах,
Их поприще пред нами…
Мы там найдем их славный прах
С их славными делами.

В. Жуковский

Глава первая
А кто здесь Кукша?

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты.

Старинная поговорка

Первым пришел в себя Павел. Конечно, спать ему еще очень хотелось, но похмельная жажда и полный мочевой пузырь не задержали его в мире грез. Он лежал на спине, и оттого яркий солнечный свет резал разомкнутые с трудом глаза. Павел прикрыл их рукой и взглянул вверх. Над головой, в нежно-голубом небе медленно плыли дымчатые облака. Он лениво повел головой по сторонам, стараясь не встряхнуть похмельный мозг. Его окружала невысокая зеленая трава и какие-то голубенькие цветочки. Трава еще не совсем просохла от утренней росы, и Паша запустил в нее обе руки. Когда ладони достаточно увлажнились, он обтер ими лицо и свои иссиня-черные волосы. Стало немного легче – включился слух, и недавний фестивальный турист услышал веселый щебет десятков птиц и заливные трели кузнечиков. Он напряг слух, прислушался. Окружающая природа шевелила листвой и травой, нашептывая что-то странное: «Я ж тебя, я ж тебя…»

Несмотря на всестороннее благолепие, на душе было тяжело. Он заставил себя сесть, а потом с трудом подняться. Оглядевшись еще раз с высоты своего роста, Паша с радостью для своего измученного жаждой тела увидел прямо перед собой великое скопление воды. Большое озеро манило и звало к себе. Даже не большое, а огромное, ибо другого берега Паша не наблюдал, как не щурился. Волны набегали на прибрежные камни, обильно орошая их. Волны приятно рокотали: «Я ж тебя, я ж тебя…»

Павел покачал головой, пытаясь отбросить охватившее его наваждение. Кажись, помогло. Первой его мыслью было кинуться к озеру и пить, пить, пить… Но тут, как назло, проснулся мочевой пузырь. Да так стремительно проснулся, что Пашка быстро завертел головой по сторонам в поисках подходящего кустика. Слева росли редкие березки, между которыми виднелись большие и малые камни, чуть в глубине он успел рассмотреть два огромных валуна.

«Карелия, блин» – подумал Пашка. Справа тянулись заросли кустарника, переходящего в камыш у самого берега озера. Взгляд его остановился на набегающих волнах, на поверхности которых играли и искрились солнечные лучи. Жажда стала нестерпимой – вода манила исходящей от озера прохладой. Словно загипнотизированный, Павел не мог оторвать глаз от воды. В его похмельном мозгу яростно боролись две мысли – попить и пописать.

Наконец он сбросил оцепенение, ибо вторая мысль победила. Павел резко развернулся и кинулся к березкам.

Добежав до деревьев, Павел стеснительно, словно было кого стесняться, спрятался за ствол березы. Когда наступило долгожданное облегчение, он услышал чей-то приглушенный смех. Павел резко обернулся на звук. Озеро в этом месте вдавалось в берег нешироким рукавом, сплошь поросшим камышом. Он внимательно присмотрелся, но ничего подозрительного не узрел. Павел тряхнул головой, словно сбрасывая наваждение, застегнул ширинку и тут вновь услышал смешок. На этот раз, как ему показалось, он обернулся значительно быстрее. Едва различимый всплеск – и по воде побежали круги, всколыхнув заросли камыша.

«Что за черт?!» – подумал Павел, поправил штаны и, осторожно ступая, направился к кромке воды. Когда он дошел до ближайших камышей, справа вновь раздался чей-то смех, и Павел мог поклясться, что смех был девичий.

«Подглядывают!» – утвердился в мысли Павел и, решив проучить наглых девчонок, как разъяренный кабан ринулся на звук сквозь заросли камыша. Сначала он бежал посуху и разгоряченный погоней не заметил, как вошел в воду.

– Ух, я вас! – крикнул Павел невидимым проказницам.

Он бежал на звук то приближающегося, то удаляющегося смеха. Павел был уверен, что вот еще несколько метров – и он нагонит их, хотя бежать становилось все труднее. Вода уже доходила ему до щиколотки, но он продолжал погоню. Вот вода достигла колена… а затем камыши резко закончились! Он узрел бескрайние водные просторы, сделал еще два шага – и с головой ушел вниз. Успев хватануть ртом воздуха, он под водой инстинктивно открыл глаза. Чистая прозрачная вода позволяла видеть на несколько метров вперед. Сбоку мелькнула тень, и Павел заметил большой рыбий хвост. Существо сделало резкий поворот, быстро оплыло вокруг барахтающегося юноши и задело его хвостом. Панически подгребая руками, Павел пытался всплыть. Он никогда не жаловался на свои способности к плаванию, плавать он с детства умел и любил, но сейчас, именно сейчас его что-то держало, не давая подняться к спасительному кислороду. Он закрыл глаза, сжался и с силой раскрученной пружины оттолкнулся ногами. Подобного результата своих усилий он никак не ожидал. Словно снаряд из мощной катапульты, он вылетел из толщи воды и подлетел вверх метра на два. Жадно хватанул ртом воздух и больно плюхнулся животом о воду. На сей раз вынырнул быстро и безумно огляделся по сторонам. Его ног внизу что-то коснулось, а затем тысячи пузырьков окружили его, как в гидромассажной ванне.

Девушка всплыла за его спиной, и он сразу же почувствовал это. Медленно развернулся в воде и увидел блестящие на солнце, мокрые золотистые волосы. Девушка смотрела на него ярко-голубыми глазами и улыбалась. Улыбалась как-то необычно – всем лицом, глазами, ртом, бровями…. Павел даже обомлел. Да, улыбалась она странно, но красиво, чертовски красиво. Длинные волосы картинно ниспадали на ее плечи и скрывались под водой. Девушка легко балансировала на воде, то немного опускаясь, то поднимаясь. И когда она в очередной раз немного приподнялась, Павел заметил полное отсутствие верхней части купальника. Грудь по всем правилам приличия показалась из воды аккурат до сосков, но Павла это просто заворожило.

– Зззздд, – зубы предательски стучали, не давая произнести ни слова. Он глубоко вздохнул, пытаясь прийти в себя.

– Зззздравствуйте, – наконец с усилием изрек юноша, внаглую рассматривая ее красивую грудь.

Девушка красиво наклонила голову вбок, почти коснувшись щекой воды, и улыбнулась еще заманчивей. Блеск ее глаз пронзил Павла насквозь. Сердце бешено колотилось в груди, норовя рвануться из груди навстречу прекрасной незнакомке.

– З-здравствуйте, – бодрее повторил Павел. – Вы… ты кто?

Девушка выпрямила голову, улыбнулась, игриво приподнялась из воды так, что Павел успел разглядеть ее грудь полностью. Затем она засмеялась в голос и, почти вертикально, резко погрузилась в воду. Юноша почувствовал под водой ее легкое прикосновение. Он завертел головой в надежде, что она вынырнет, и он сможет продолжить это нечаянное знакомство. Хотя знакомства как такового и не произошло – незнакомка не проронила ни слова.

Павел подождал еще несколько минут и огорченный до крайности принялся выбираться на берег. Уцепившись руками за камыши, он вытянул свое тело на сушу. Весь мокрый, с последней и робкой надеждой он посмотрел на озеро – но нет, она больше не показалась. Павел гадал, кто эта прекрасная нимфа и откуда она взялась? Однако ход мыслей прервал новый приступ, охвативший мочевой пузырь. И почему-то ему захотелось сделать это подальше от воды – мало ли что! Бежать в мокрой одежде было крайне неприятно, и все же, превозмогая это неудобство, он рванул к березкам…

* * *

Андрей очнулся от завладевшей его телом сырости. Спросонья ему даже показалось, что он провел ночь в луже. Он порывисто поднялся, сел и огляделся. Луж поблизости не было, лишь мокрая от утренней росы трава впитывала в себя лучи восходящего солнца, осушая ночную влагу. В голове что-то неприятно тукнуло, и Андрей заставил себя встать. Трава и цветочки радовали глаз, равно как и растущие среди беспорядочно разбросанных камней березки. Юноша сделал несколько движений корпусом, разминая тело и разгоняя кровь.

– Что это мы вчера намешали? – спросил он себя, потирая отлежанный за ночь бок.

Осмотревшись внимательно, Андрей осознал, что находится на краю просторной поляны, а забравшись на ближайший камень, узрел огромное озеро. Берег вокруг обильно порос кустарником и камышом, а в том месте, где проснулся Андрей, он был еще изрядно заболочен. Стоя на камне, юноша глубоко вздохнул. Ветер сначала принес озерную прохладу, а затем, резко изменившись, подул справа, и Андрей явственно ощутил запахи болотного гниения. Он не мог себе объяснить, что именно подтолкнуло его вперед. Реконструктор спрыгнул с камня и неторопливым шагом направился к кромке заболоченного берега. Андрей видел болота и раньше, но это выглядело как-то необычно. Болото было затянуто черно-зелеными растениями, тонкие нити которых сплошным ковром накрывали огромное пространство. И что больше всего поразило юношу, так это царившее на болоте безмолвие – абсолютное безмолвие! Он стоял и почти любовался этим безмолвием. Похмельный мозг расслабился и отдыхал, как вдруг, нарушая это умиротворение, откуда-то из глубины, из самого чрева болота раздался до противного тонкий писк. Звук был негромким, едва различимым, но такой частоты, что у Андрея внезапно заболели уши, и нестерпимо захотелось заткнуть их руками. Он хотел было так и сделать, его руки уже поднялись, как писк внезапно прекратился, а болото изрыгнуло из себя огромные пузыри вместе с удушающими парами. Все вокруг мгновенно затянуло дымкой, стало трудно дышать. Андрей закашлялся и инстинктивно отступил на несколько шагов.

– Ну и вонь! – он плотно зажал нос рукой, чувствуя, что тлетворный запах болотного гниения одурманивает и спирает дыхание.

Крепкая, прошедшая не один турнир голова реконструктора закружилась, как от хорошего сотрясения, ноги сделались ватными, и он стал медленно оседать на землю. Перед глазами стоял удушливый туман, еще секунда – и все вокруг сдвинулось и поплыло….

Когда опасный туман рассеялся, и Андрей, откашлявшись, протер глаза, перед ним на трухлявом пне сидело нечто зеленое и лохматое. Мотнув головой и приглядевшись, юноша с любопытством уставился на незваного гостя, вернее гостью.

– Как звать-величать тебя, добрый молодец, – задорно спросила особа предпенсионного возраста, небрежно поправляя складки своего зеленого одеяния.

– Андрей, – не растерялся реконструктор, – а вы кто, бабушка?

– А-н-д-р-е-й, – нараспев повторила незнакомка, – ишь ты, какое имя себе выдумал, я такого еще не слыхала…

– Обычное имя, – ответил Андрей, – а вы-то кто?

– Цыц тебе! – бабка взмахнула руками, словно крыльями, до того длинные и висячие у нее были рукава. – Цыц, говорю!

– Да что вы цыцкаете, бабуля, – не удержался Андрей, – вы можете толком сказать…

– Сам ты бабуля, – перебила его незваная гостья с обидой в голосе. – Ты что же, не признал меня?

– Как же я вас, бабуля, признаю, – искренне удивился юноша, – если я вас сроду не видывал.

– Ага, – встрепенулась бабка, – не видывал!

Она демонстративно почесалась.

– И то верно – не видывал. Да ты, милок, не тутошний, посему видать, и говор у тебя не больно лепый.

– Да я…

Он не успел договорить. Она резко откинула свои длинные, темно-зеленые с проседью волосы и вперилась взглядом в его глаза. Андрей застыл как вкопанный, не в силах пошевелиться, а она все смотрела, и ему казалось, что блеск ее болотного цвета глаз пронзает его насквозь.

– Славы ищешь? – спросила она внезапно изменившимся голосом.

– Нет, – через силу ответил Андрей.

– Кровавая твоя слава, воин, вижу, ох, кровавая!

Он совладал с собой, сбросив оцепенение.

– Я что-то не пойму, куда вы клоните, бабуля?

Она пружинисто поднялась и, шурша своим странным одеянием, подошла ближе.

– Врешь, милок, ох, врешь, жаждешь ты славы пуще всего!

Женщина, ступая мягко, словно кошка, обошла его по широкому кругу. От нее явственно пахнуло болотом и сыростью, и Андрей даже ощутил привкус морской капусты во рту.

– Тьфу, – он громко сплюнул, он не любил морскую капусту.

– Ой! – воскликнула бабка и отскочила от него как ошпаренная. – Ты чего плюешься?

– А что, нельзя?

Он неотрывно следил за ее движениями – многолетняя привычка не становиться к незнакомцу спиной делала свое дело. Так они кружили несколько секунд, изучая друг друга. Затем бабуля остановилась, сгорбилась и быстро взмахнула руками, на мгновение закрывшись от собеседника. Когда Андрей вновь увидел ее лицо, то не поверил своим глазам.

– Хороша? – игриво спросила она, источая ароматы цветущего луга.

– Да-а-а-а, – с отвисшей челюстью отреагировал юноша, разглядывая красивое лицо молодой девушки, в особенности ее пухлые губки.

Она перешла в атаку. Молниеносно приблизилась и поцеловала его, долго и страстно. Андрей от восторга закрыл глаза и наслаждался, совершенно позабыв, что еще минуту назад это была морщинистая и неприглядная бабка.

Наконец она отстранилась от него.

– Изменчивость – это сущность людей, – философски изрекла девушка. – В этом залог успеха.

Она кокетливо улыбнулась и, протянув изящную ручку к его лицу, игриво ухватила за мочку уха.

– Ты не забудь, – прошептала она, – поцелуй кикиморы нельзя забывать.

Он стоял, все еще находясь под впечатлением поцелуя, а она вдруг запрокинула голову и рассмеялась. Смеялась она весело и звонко, пока ее смех не перешел в пронзительный и болезненный для его перепонок писк. Андрей хотел прокричать: «Хватит!!!», но она сама оборвала свое веселье. Тут ее лицо вновь покрылось старческими морщинами, реконструктора аж передернуло.

«Вот ведь, блин!» – выругался он про себя и, сложив пальцы в крепкий замок, хрустнул суставами.

Парню так надоела эта странная игра, что он не сдержался:

– Да пошла ты, старая, к…

Неожиданно для самого себя Андрей понял, что посыл был верным. Бабка сгорбилась, превратившись в зеленый комок. Ее лицо почернело, а по всему телу пошла заметная дрожь. Еще секунду она стояла на месте, а затем кинулась… покатилась к болоту и с разбегу погрузилась в него. Два пузыря надулись над поверхностью болотной жижи и лопнули как и не бывало.

– Кикимора, вот ведь, – через силу ухмыльнулся реконструктор. – Да уж, пить надо меньше…

* * *

Пробегая мимо небольшого камня, Павел наткнулся на лежащего реконструктора, который только что открыл глаза. Не замедляя бега, друг Вадима бесцеремонно перепрыгнул через тело реконструктора, обдав его брызгами от мокрой одежды, и продолжил свой путь. Андрей тихонько охнул от неожиданного появления собутыльника, который, как заправский бегун с препятствиями, преодолевал последние метры до вожделенных березок.

– С ума сошел, через людей скакать! – крикнул ему вслед реконструктор, но бегун его уже не слышал. Облокотившись одной рукой на ствол, Павел блаженно прикрыл глаза. Эта картина так впечатлила Андрея, что он поднялся, но не стал тратить время на путь до березок, а облегчился прямо на камень. Затем он собрал свои длинные рыжие волосы и стал завязывать в хвост кожаным шнурком.

– Слышь, турист, а ты чего такой мокрый? Уже искупнуться успел? – спросил он возвращающегося Павла.

– Ух, – облегченно вздохнул вчерашний турист, – и не спрашивай, я тут такое видел…

– У меня тут тоже встреча была, – перебил его Андрей.

– Что?

– Да не что, а кто. А может, приснилось, – неуверенно ответил реконструктор. – Однако, где же Вадька, и вообще, где мы есть?

– Пойдем-ка, попьем, – предложил Павел, проигнорировав вопросы приятеля, – никуда он не денется. Вчера пили-то мы вместе?

– Вместе, – подтвердил реконструктор, все еще пытаясь справиться со спутанными волосами.

– Ну вот, если мы тут, то и он где-то здесь!

И страшно довольный своей безупречной логикой, Пашка уверенно направился к воде. Андрей, дрожащими руками завершив прическу, постоял несколько секунд, скребя себя по затылку и пытаясь вспомнить, куда это они вчера собирались погулять. И тут его осенило.

– Постой, турист!

Но Пашка и не подумал замедлить шаг. Его желудку срочно требовалась влага, много влаги.

– Да постой же ты!

Андрей нагнал его у самой воды. Павел уже начал скидывать с себя мокрую одежду.

– Ну и быстр же ты, турист!

Пашка уже почти скинул с себя одежду, аккуратно разложил на песочке для просушки, обернулся и недовольно произнес:

– Я не турист – я Павел Николаевич…

– Ладно, Павел Николаевич, – примирительно изрек реконструктор, – я вот чего вспомнил…

– Чего еще?

– Мы вчера в замке бухали, а потом пошли шляться по… – Андрей почесал в затылке.

– Ни фига ты не помнишь! – отрезал Павел. – Вот и я тоже не помню!

С этими словами он разбежался и кинулся в воду. В трех метрах от берега было уже достаточно глубоко, чтобы нырнуть, что он и сделал. Вынырнув, он стал пить еще не нагретую солнцем и оттого блаженно прохладную воду. Купаясь, Павел с осторожностью поглядывал по сторонам, а вдруг она, незнакомка, покажется вновь. Может, и Андрей увидит ее, а то рассказать – ведь не поверят…

Андрей не стал купаться, а напился, спустившись к берегу, зачерпывая воду сложенными лодочкой ладонями.

– Хватит плескаться, Павел Николаевич, пойдем Вадьку поищем.

Пока турист выходил из воды, реконструктор, приставив ладонь ко лбу, оглядывал водную гладь.

– Слышь, Павел, а может, это не озеро? Откуда тут такое озеро?

– А что это по-твоему? Залив? – предположил турист.

– Вот и я думаю, что это залив, – Андрей оторвался от созерцания водного пространства и повертел головой.

– Ты с ума сошел? Какой залив? Ты же пил – вода-то пресная!

Реконструктор поморщил лоб.

– Не понял, – раздосадованно произнес он и, вновь сложив ладони лодочкой, зачерпнул воды. Внимательно посмотрел, понюхал, выпил.

– Точно, пресная! Значит, это озеро, – утвердительно кивнул он.

Павел тем временем, немного обсохнув, стал одеваться. Одевание давалось с трудом и пыхтением. От попавшей в организм воды алкоголь вновь заиграл в крови.

– Жарит что-то, – утирая пот, с грустью произнес турист.

– Пить надо меньше, Павел Николаевич, – пожурил его реконструктор.

– Щас бы пивка – полечиться.

– А может, тебе кефирчика? – Андрей продолжал смотреть по сторонам. – Нет, ну куда Вадим-то делся?

Павел, закончив одеваться, устало опустился на камень.

– А давай его здесь подождем, он ведь тоже, – турист кивнул в сторону озера, – к влаге потянется…

* * *

Вадим приоткрыл глаза, утреннее солнышко уже пригревало, и от земли исходил легкий пар. Юноша лениво потянулся, перевернулся на бок и машинально ощупал пространство вокруг себя. Еще влажная от утренней росы трава… щебетание птиц… Стоп! Вадим не помнил, как и где он уснул, и самое главное – где Паша? Он сел, огляделся, слева лес,

справа большое поле. Чтобы лучше определить свое местонахождение, Вадим поднялся во весь рост.

– А где замок? – повертев головой, спросил сам себя ролевик. – Все, пьянству бой!

Юноша забрался на близлежащий камень, и перед ним открылась картина водного пространства. Он уже решил двинуться к воде, как его внимание привлек испуганный крик птицы в лесу. Он насторожился и прислушался. Треск ветки под ногой, вот еще… кто-то шел прямо к нему, не особо таясь, а, собственно, чего было таиться? Вадим спрыгнул с камня и пошел навстречу.

– Паша! – громко позвал ролевик. – Андрей!

Вадим ускорил шаг, отчетливо слыша чьи-то шаги. Но внезапно треск прекратился, шаги затихли.

– Паша! Андрей!

Юноша остановился, покрутил головой – никого.

– Вы что, решили в прятки играть?

Неожиданное эхо подхватило его слова и раскатисто разнесло по лесу: «Прятки… ятки… играть… рать…»

Вадим все же двинулся вперед и, пройдя несколько метров и преодолев низкорослый кустарник, вышел на маленькую прогалину. Дед небольшого росточка, в мешковатой одежонке и нелепо-большой грибоподобной шляпе, сидел на пеньке, оперевшись на палку.

– Чего же, мил-человек, блажишь, зверье лесное пужаешь? – спросил старик, глядя на Вадима из-под шляпы.

– Так я друзей ищу, – ответил юноша, приближаясь.

– Потерялись, значит?

– Ну, типа того….

Вадим хотел было подойти поближе, разглядеть странного незнакомца, но тот резко вскинул палку:

– Стой, где стоишь, мил-человек!

– А чего вы испугались, дедушка, – проигнорировав просьбу старика, Вадим сделал еще несколько шагов.

Сквозь листву пробился ослепительный солнечный лучик, ролевик лишь на миг прикрыл глаза, моргнул, но незнакомца и след простыл. Причем исчез дед вместе с пеньком.

– Вот тебе диво, – искренне удивился юноша.

Он шагнул в сторону, уходя в тень деревьев, но нет, зрение его не подвело – ни деда, ни пенька не было.

– Говорю, стой, где стоишь, мил-человек, – почти ласково раздалось за спиной.

Вадим быстро развернулся на пятках. Дед сидел на пеньке, оперевшись на палку.

– А как это вы делаете?

– Что?

– Вы же только что были вон там, – Вадим указал в противоположную сторону от того места, где сейчас размещался незнакомец.

– Да я-то на месте сижу, это ты, мил-человек, все крутишься да юлой скачешь, – ухмыльнулся дед.

– Не морочьте мне голову, – огрызнулся Вадим, – я прекрасно видел, сначала вы сидели вон там, а теперь тут.

Дед ничего не ответил, а лишь прицокнул языком. Вадима явно раздражало вранье незнакомца, но, из уважения к возрасту, он умерил свой пыл и уже более спокойно спросил:

– Так вы кто?

Старик наконец приподнял голову и пристально взглянул на юношу. Вадим не смог разглядеть его лица, большие поля шляпы скрывали облик незнакомца. И вдруг дед застонал,

да так, будто его режут. Он порывисто вскочил и, проявив не по годам лихую прыть, кинулся вглубь леса.

– Да вы что? – вскрикнул от неожиданности юноша и кинулся догонять безумного старика.

Дед несся сквозь кусты, ловко раздвигая их своей палкой. Он бежал не разбирая дороги, часто петляя, словно путающий следы заяц. Вадим всегда был неплохим бегуном, а уж ускоряться на короткие дистанции он умел будь здоров! Но сейчас он никак не мог догнать прыткого деда.

Старик бежал впереди метрах в сорока и что-то голосил на ходу. Вадим не мог разобрать четко все слова, но иногда улавливал странные выражения «Смерть! Кровь!». Юноша приложил последние усилия, сделал рывок. Ему удалось догнать старика и даже ухватить за одежду.

– Да постойте же….

Старик резко вскинул палку и через плечо ударил Вадима по голове. Юноша разжал руку, выпустил деда и тот рванул еще быстрее.

Вадим, видя бессмысленность дальнейшей погони, остановился. От напряжения в ушах немного покалывало, сердце бешено колотилось. Он сделал глубокий вдох, пытаясь привести дыхание в норму. В ушах появился какой-то посторонний шум. Вадим огляделся – его окружали только деревья и кусты, но в голову настойчиво лезли слова: «Прячьтесь… бегите…. Он смерть! Кровь!»

Казалось, листва деревьев шепчет их как заклинание. Вадим прикрыл уши руками, дернул головой.

– Да хватит уже! – в сердцах топнул ногой юноша.

Звуки смолкли, в голове прояснилось, и Вадим решил двинуться назад, к озеру.

* * *

– Павел! Смотри, лодка! – вдруг воскликнул реконструктор, указывая куда-то в сторону, вправо, поверх головы Павла.

Деревянная лодка шла вдоль берега, покачиваясь из стороны в сторону из-за набегающих боковых волн. Через несколько минут друзья разглядели гребца, который усердно работал веслами.

Приближаясь к озеру, Вадим увидел своих вчерашних собутыльников, которые с любопытством разглядывали быстро приближающуюся лодку.

– Вот вы где!

Оба от неожиданности вздрогнули, обернулись и разинули рты.

– Чего? – первым пришел в себя реконструктор.

– Чего-чего? – передразнил его Вадим. – Я тут старика-чудака в лесу встретил, да пока за ним гонялся, трубку и табак потерял, вот что!

– Во! Я же говорил, что он тоже к водопою придет, – подал голос Павел.

– Какого старика? – не понял Андрей.

– Потом, – отмахнулся Вадим и, пройдя между ними, спустился к воде. Между тем лодка с неизвестным гребцом приближалась. Уже можно было хорошо разглядеть гребца.

– Кажись, кто-то из ваших, – предположил Павел.

– Да, вроде в прикиде! – подтвердил Андрей, разглядев светлую рубаху на гребце и его длинные волосы.

Вадим, утолив жажду, тоже стал рассматривать лодку и гребца.

– Ага, одет в дурацкое, как и мы, – он оглядел себя и реконструктора. – Может, тоже с «феста»?

– Значит, не одни мы вчера напились и шатались где ни попадя! – резюмировал турист.

Парень в лодке активно работал веслами, стремительно сокращая расстояние до берега.

– Однако хорошо идет – бойко! – заметил Вадим.

– Ага! – подтвердил Андрей. – Через пару минут будет тут.

Лодка приближалась. Гребец, часто оглядываясь через плечо, явно тоже заприметил троицу на берегу.

– Кажись, к нам гребет, – предположил Павел, – вишь, оскалился, своих признал. Сейчас пристанет и будет пива просить.

Незнакомец развернул лодку к берегу, намереваясь пристать именно к тому месту, где расположились приятели. Теперь можно было четко разглядеть, что гребец действительно одет в исторический костюм, а его белые длинные волосы перехвачены цветной тесьмой.

Наконец лодка уткнулась в берег всего в паре-тройке метров от них. Гребец стремительно выскочил из посудины и кинулся к друзьям, преодолев разделяющее их расстояние в несколько прыжков. Оказавшись рядом, незнакомец что-то быстро затараторил, активно жестикулируя и указывая в сторону, откуда приплыл. Ближе всего к прибывшему парню оказался Вадим. Он смерил его взглядом, подметив рваную на груди рубаху с вышивкой и пояс с небольшим ножом в ножнах.

– Ты чего скачешь? – спросил его Вадим, видя, что парню просто не стоится на месте. Он подпрыгивал, словно игрушечный зайчик, так и норовя выскочить из штанов. И тараторил так быстро, что и слов не разобрать, при этом размахивая руками, как ветряная мельница.

– Вот ведь набухался, – вставил Павел, пока белокурый переводил дух и нервно утирал выступивший пот. – Набухался, что и по-человечьи говорить не может.

Белокурый, услышав его, обернулся и недоверчиво оглядел Павла с головы до ног. Он тряхнул своими кудрями и состроил отвратительную гримасу.

– Видимо, ему твоя одежда не понравилась, – определил Вадим, не сводя глаз с гостя.

Несколько секунд паузы, и парень, переведя дыхание, продолжил свою никому не понятную тираду. Но теперь он стал подпрыгивать еще выше и уже обеими руками указывать в том направлении, откуда только что прибыл.

– Ребята, а там дым! – вдруг произнес молчавший до сих пор Андрей.

Белокурый взвыл, как раненый тюлень. Вадим взял его за плечи и встряхнул.

– Перестань выть и бубнить! Можешь толком сказать, что случилось?

Паренек резко умолк и выпучил на ролевика испуганные голубовато-водянистые глаза.

– Ну, – поторопил его Вадим, – в чем дело?

Белокурый что-то тихо произнес в ответ.

– Что он там лопочет? – не выдержал Андрей и шагнул из-за спины ролевика поближе к гостю.

Парень, заметив движение реконструктора, посмотрел на него и вдруг, вырвавшись из державших его за плечи рук Вадима, устремился к своей лодке.

– Я же говорю, совсем перепил ваш Кукша, – равнодушно произнес Павел, в то время как Андрей кинулся догонять белокурого.

– А там и правда что-то горит, – констатировал Вадим, разглядывая поднимающийся все выше столб дыма.

– Ты бы помог своему Сигурду, а то, смотри, парнишка как отбивается.

Вадим уже и сам видел, что белокурый схватил весло и размахивает им, стараясь отогнать реконструктора от лодки.

– Что же он так взбеленился? – задумчиво произнес Вадим, наблюдая игру Андрея-Сигурда с белокурым. – И вообще, что он болтал?

Через секунду реконструктору удалось увернуться от очередного взмаха и, ловко поднырнув под весло, повалить белокурого на прибрежный песок. Упав, парень продолжал отбиваться от навалившегося на него Андрея. Вадим уже хотел было поспешить на помощь, когда Павел схватил его за рукав.

– Слушай, а ведь кажись, не по-нашему он говорил, вроде по-фински.

– Это только сейчас до тебя дошло? – спросил Вадим, не отрывая взгляда от барахтающихся в песке борцов.

– Ну, я не уверен, – пожал плечами Павел, – но очень похоже, какие-то юкси, йёкки, беня…

– Ладно, – махнул рукой Вадим, – пойдем, разберемся.

Втроем они быстро скрутили парня и, поставив на ноги, хорошенько встряхнули. Андрей и Вадим держали его за руки.

– Вот наш друг, – сказал Вадим, – различил в речи этого полоумного финские слова.

– А что, у нас на «фесте» финны были? – спросил реконструктор.

– Господин Сигурд, или как вас там, – официально начал Павел, – может, это и не финн, а карел или эстонец какой-нибудь…

– А вы не умничайте, Павел Николаевич, – подражая его тону, ответил Сигурд. – Ты что, финский знаешь?

– Не очень, вернее, совсем не знаю, так, несколько слов от бабушки, она у меня из вепсов.

– Бепся!

– О! Гляди, Кукша заговорил, – удивился Павел.

– Что еще за бепся? – озадаченно спросил реконструктор.

– Пухутеко суоми? – применив свои знания вепсского, изрек Павел.

– Шпрехен зи дойч? – решил отличиться Вадим.

Паренек непонимающе посмотрел на всех троих по очереди и ответил:

– Пухун бепся?

– Ну, точно, карел! – подвел итог Павел.

Все трое переглянулись.

– Вот и налаживай контакт, – предложил Вадим, – спроси у него, чего он побежал?

– Тебе надо, ты и спрашивай, я же сказал, что не знаю финского.

– Так чего выделываешься, – обиделся за всех реконструктор.

– Я же говорю, только пару слов и знаю!

Белокурый спросил еще раз.

– Пухун бепся? – и добавил еще что-то совсем не понятное.

– Может, все же отпустим парня? – предложил Павел.

Почувствовав слабину рук, белокурый попытался дернуться, но не тут-то было – хватка усилилась.

– Ага, отпусти его, опять веслом махать начнет, – резонно заметил Андрей.

Парень резко вскинул голову, посмотрел на шею реконструктора и смачно плюнул ему в лицо.

– Нет, ну ты посмотри, какая сволота, – шарахнулся от него Андрей, утирая лицо.

Получив свободу правой руки, белокурый попытался дотянуться и ударить реконструктора – не прошло. Вадим, предупредив удар, резко заломил пареньку левую руку, поэтому правая рука белокурого, сжатая в кулак, бессильно опустилась. Разъярившись от нанесенной ему обиды, реконструктор подскочил к обидчику и отвесил ему увесистую затрещину.

– Вот ведь пакостник!

Павел, равнодушно наблюдавший за происходящим, вдруг произнес:

– А я вспомнил! Мы вчера гулять не собирались.

– Что?

– Чё?

– На башню мы вчера собирались – вот чё!

Отвесив белокурому вторую, менее болезненную оплеуху, Андрей спросил:

– На какую башню?

Павел демонстративно возвел очи к небу.

– Ну и кто тут вчера нажрался, так, что ни фига не помнит.

– Паша, – позвал его Вадим, – я тоже не помню, про какую ты башню?

Павел проигнорировал недоуменные вопросы друзей и шагнул к лодке.

– Может, у него тут есть что пожрать? Уже, блин, полдень, а мы не жрамши!

Он забрался в лодку и стал ее осматривать на предмет съестного.

– Да ты можешь толком сказать, что ты вспомнил, голодный ты наш, – спросил Вадим, пытаясь поднять белокурого.

– Нет, – рассеянно ответил Павел.

– Что «нет»? – не понял реконструктор.

– Пожрать нет тут ничего! – и вдруг воскликнул: – Опаньки! Ого!

И, нагнувшись, залез под кормовую скамейку на лодке.

– Смотрите-ка, что я нашел!

Он выпрямился и гордо продемонстрировал друзьям сверток, обмотанный какими-то тряпками.

– Что это? – хором спросили его Вадим и Андрей.

Павел откинул нависающий кусок ткани, осторожно взял сверток посередине и протянул друзьям.

– Вот!

Из свертка виднелось спящее лицо младенца. Белокурый что-то прорычал и опять попытался вырваться.

– Я понял, – произнес Вадим, пытаясь удержать белокурого, – он сказал «пойка»!

Павел осторожно положил младенца на скамейку лодки.

– Вот интересно, откуда этот Кукша взял ребенка?

– Слышал, Пашка, – крикнул Вадим, – он сказал «пойка» – мальчик.

– Да не мальчик, а сын! – Павел выпрямился и посмотрел в сторону валящего из-за леса дыма.

– А вот и еще ваши друзья-реконструкторы, – радостно воскликнул он, указывая на озеро.

Оттуда же, откуда только что прибыл непонятный карел, в их сторону шла большая ладья. С обоих бортов черного смоляного корпуса вздымались и опускались в такт длинные весла. Классический, в красную полоску парус безжизненно повис на мачтовой рее. Картинка была, как в школьном учебнике по истории – драккар викингов, бороздящий водные просторы в летний солнечный день…

– А это какой же у нас клуб ходит на драккаре на «фесты»? – удивленно спросил Андрей.

После секундной паузы ему ответил Вадим:

– Да никакой не ходит!

Белокурый, увидев приближающуюся «картинку из учебника», забился в истерике и норовил высвободиться из крепко держащих его рук.

– Может, у них на судне есть что пожрать? – с надеждой в голосе спросил Павел.

– Может, – тихо ответил ему реконструктор, продолжая как зачарованный разглядывать драккар.

Далеко за кормой судна все так же поднимался столб бело-серого дыма. На драккаре, который до этого шел в двухстах метрах от берега, явно заметили четверых людей на берегу и лодку. Ряд весел с одного борта замер в полете, в то время как весла с другого борта мощным взмахом развернули корпус к берегу. И тут с судна пустили стрелу. Описав в воздухе красивую дугу, она впилась в борт лодки и завибрировала, потрясая черным оперением.

– Вот вам и здрасьте, – констатировал Павел, разглядывая воткнувшуюся всего в паре сантиметров от него стрелу.

– Вы что, мать вашу, совсем охренели?! – не выдержал реконструктор. Он отпустил белокурого и, сложив руки в рупор, заорал что было сил: – Эй! На драккаре! Совсем озверели палить боевыми стрелами!

Ему ответила вторая стрела, которая зарылась в песок всего в метре от него.

– Что-то мне это начинает не нравиться, – протянул ролевик, инстинктивно перехватывая освободившуюся руку карела, который опять, почувствовав относительную свободу, начал дергаться и извиваться.

– Может, от греха подальше, – предложил Павел, – может, это не ваши, а какие-то дикие реконструкторы?

– Ага, щас, пусть только причалят, – Андрей погрозил драккару кулаком, – я с ними поговорю.

Поговорить не удалось. Третья стрела угодила в белокурого карела, аккурат – в грудь. От удара он дернулся в держащих его руках, ойкнул и, склонив голову на грудь, стал оседать. Держащий его Вадим освободил хватку, и парень кулем свалился наземь. Мгновенно придя в себя, ролевик заорал:

– Пашка! Хватай ребенка – бежим!

Повторять не пришлось. Никому. Только Пашка нагнулся, чтобы взять сверток, как очередная стрела, пропев, пролетела над его головой. Драккар был совсем близко, можно было уже различить бородатого лучника на носу и стоящего рядом с ним не менее бородатого воина в кольчуге и шлеме.

Реконструктор тоже спохватился – помог Пашке спрыгнуть с ребенком с лодки, и вся троица во весь дух припустила к ближайшим кустам. Пока они бежали, еще одна стрела, обогнав их, прошуршала по кустам и затихла, сбив несколько веток. Друзья с разгону ворвались в заросли кустарника, слыша позади себя свист и боевые крики.

Глава вторая
Ночь у костра

Твой путь еще не пройден,
ты лишь в начале этого пути…

Инстинкт самосохранения был настолько силён, что загнал их далеко в глубь леса. Почти час они бежали практически без остановок, не особо заботясь о выбранном направлении. Все еще спящего младенца несли по очереди. Бежали достаточно резво, благо сосновый лес был редким. Изредка останавливаясь, они прислушивались – как ни странно, погони не было. Во втором часу они перешли на шаг и, удостоверившись, что их жизням ничто и никто не угрожает, окончательно успокоились. Но тут добавились проблемы с ребенком – он проснулся и стал громко требовать титьку. Подходящей титьки поблизости не наблюдалось. К плачу младенца прибавились легкие постанывания Павла Николаевича, который заявил, что ужасно проголодался и тоже не прочь чего-нибудь съесть. Так они прошагали еще с полчаса, пока не узрели впереди небольшой ручеек и ровную полянку. Друзья, не сговариваясь, направились прямиком туда. Голосящий сверток перекочевал из рук Андрея на мягкий мох. После утомительного маршрута журчание ручейка вызвало в пересохших глотках путешественников мучительный спазм. Напившись сами, друзья решили напоить и младенца.

– Надо бы «пойку» водичкой угостить, может, притихнет, – первым предложил Павел.

– А как? – спросил реконструктор. – Окунуть в воду, и пусть хлебает?

– Совсем ты одурел, что ли? – огрызнулся Вадим.

События последних часов явно его удручали, и ролевик пребывал не в лучшем расположении духа.

– Да я пошутил, – примирительно улыбнулся Андрей, – пошутил.

Вадим повернулся к Павлу.

– Паша, я знаю, у тебя должен быть чистый платок.

– Да вроде где-то был…

Павел ощупал нагрудные карманы джинсовой рубахи.

– Есть, вот – на, – он протянул другу аккуратно сложенный белоснежный носовой платок.

– Так, хорошо, – Вадим взял платок. – Сигурд, неси сюда «пойку».

Пока реконструктор ходил за свертком, Вадим хорошенько намочил Пашкин платок. Андрей принес притихшего младенца – он уже не орал так истошно, как прежде, а только всхлипывал, пытаясь привлечь внимание дядь.

– Ну вот, титька готова, – произнес Вадим и отправил уголок платка «пойке» в рот.

Ребенок схватил импровизированную титьку и стал жадно сосать.

– Не молоко, конечно, но пока сойдет.

Вадиму пришлось несколько раз мочить платок, прежде чем ребенок напился.

– Ну вот, а теперь – качай! – приказал он реконструктору.

– Да вы что! – пытался возмутиться тот. – Я же не умею.

– Качай, качай, – поддержал друга Павел, – а мы пойдем что-нибудь нам пожрать раздобудем.

Под таким напором Андрею-Сигурду пришлось смириться с вынужденной ролью няньки.

– И то правда, – сказал Вадим, положив руку на плечо Павла, – пойдем по грибы.

– И ягоды! – добавил турист, и в животе у него громко заурчало.

После часа собирательства они вернулись на поляну с грибами и ягодами. Грибы они несли в снятой с Павла джинсовой рубахе, а ягоды – в большой поясной сумке Вадима. К всеобщей радости младенец уснул, а Андрей, разведя костер, закурил.

– Ты где взял сигареты? – удивленно спросил Вадим, которому еще с утра очень хотелось покурить.

– Нашел одну в сумке, – ответил реконструктор, хлопнув по висящей на поясе сумке.

– Оставишь?

Андрей сделал последнюю, самую сладкую затяжку и протянул остаток Вадиму.

Павел положил у костра свою, полную грибов, рубаху.

– Так, а чего вы молчали, курильщики? У меня со вчерашнего еще полпачки осталось, сам-то я ведь не курю.

Вадим и Андрей уставились на туриста, как на врага народа.

– Да чего вылупились? Я сам не знаю, как она у меня оказалась.

Павел понял, что ему не жить и стал лихорадочно доставать пачку из заднего кармана джинсов.

– Да нате, нате, курите на здоровье.

Утолив никотиновый голод, все вместе дружно принялись чистить грибы и насаживать их на веточки. Затем грибные шашлыки воткнули вокруг костра под наклоном и стали терпеливо ждать.

– Сигурд, возьми ягод, – предложил Вадим, – мы с Пашкой их в лесу наелись.

– Наелись – это ты, конечно, хватил, – вставил свое голодное слово турист, – так, чуть-чуть поклевали, вспомнили вкус черники.

Он хотел что-то еще добавить, но Вадим перебил его:

– Только оставь «пойке» немного. Думаю, скоро опять хай поднимет, надо будет натолочь да скормить ему.

Сигурд, зачерпнув горсть крупной черники, закинул в рот и, не дожевав, спросил:

– А ты где научился с малышами обращаться?

– Да так, был опыт, – отмахнулся Вадим, – с двоюродной сестрой возился.

– Им еще в универе Спока преподавали, – пошутил Павел.

– Ты-то откуда такие умные имена знаешь? – спросил Вадим, улыбнувшись. – И не Спока, а Сенеку.

– Да какая разница?

Вадим улыбнулся еще больше.

– Огромная, Павел Николаевич, огромная. Но Спока я тоже читал.

– Готовился, стало быть, – подвел итог Андрей.

– Ладно, хватит лясы точить, грибы готовы, – отрезал Вадим и первым потянулся за шашлыком.

Грибные веточки были вкусны как никогда. Всем досталось почти поровну – Вадиму и Андрею по три, а Павлу, как постоянно растущему двадцатитрехлетнему организму, целых четыре. Эх, пальчики оближешь, как хороши были эти сморщенные лесные дары с привкусом веточки. Ужин запили водой из ручья и только хотели закурить и обсудить прошедший день, как проснулся «пойка» и стал требовать «ням-ням». Вадим достал платок и разорвал его надвое.

– Так, Паша, будешь толочь чернику, – распорядился Вадим, протягивая другу половину платка, – а ты, Сигурд, намочи этот кусок.

Сам же Вадим извлек из ножен на поясе нож, нашел достаточно толстую ветку и стал ее ровнять. Обстрогав ветку с двух сторон, он придал ей форму весла – ложка для младенца была готова. Вначале кормление шло с трудом. «Пойка» не хотел или не любил чернику (или намеренно издевался), но настойчивость Вадима и жалобные просьбы Павла сделали свое

дело. Младенец осознал, что ему не отвертеться, иначе дяди обещали весьма непедагогичное «ата-та» по попке, и стал-таки есть толченую ягоду. Трапеза закончилась сосанием мокрого платочка. Но, накушавшись, ребенок спать не захотел; начал настаивать на развлечениях, то есть возжелал поиграть. Друзья перепробовали множество детских игр – «Коза-дереза», «Ути-пути», «Елки-палки» и даже хит прошлого сезона «В репку», но «пойка» в силу своей национальной особенности не признавал современных русских игр и оказался ярым на–ционалистом, ибо отказался не только понимать, но и разговаривать. От начавшихся русских народных сказок «пойка» вначале морщился, строил рожицы, а потом еще и срыгнул. А после того, как ему утерли перепачканное лицо, и вовсе расплакался.

– Нет, ну вы посмотрите на этого «чухонца», – разобиделся Павел, уставший возиться с ребенком, – и это ему не то, и это ему не так!

– Наверное, он мокрый, – предположил Вадим.

– Так, я – пас, – отмазался Андрей и, немного подумав, добавил: – Пойду, в костер подброшу, а то потух что-то совсем.

– А мне срочно надо в туалет, – сказал Павел, вставая.

– Идите, предатели, бегите, жалкие трусы, – ответил Вадим, сделав вид, что обиделся. – Я и сам управлюсь.

Вадим распеленал ребенка, он действительно успел и пописать, и покакать, причем, похоже, неоднократно. Попу малышу, за неимением ничего лучшего, пришлось вытирать мхом – но получилось неплохо, даже очень неплохо. А главное – сухо! Положив младенца на снятую с себя рубаху, Вадим взял тряпки и пошел к ручью, его остановил Павел.

– А может, пока солнце не село, купнем парня?

Вадим задумался.

– На, – он протянул другу грязные пеленки, – надо прополоскать, а я его купну.

Вадим взял «пойку» и пошел его купать. Три раза окунув в ручье ребенка по пояс, он быстро перенес его к огню.

– Андрей, подержи-ка «пойку», – попросил Вадим сидевшего у костра реконструктора, – я руки вымою.

Вернувшийся Павел воткнул у костра две палки и развесил пеленки, а реконструктор на вытянутых руках принялся просушивать младенца, который весело дергал ножками и мотал головой. Теперь ему было сухо, тепло и сыто, поэтому хныкать совсем не хотелось.

– Не поджарь его, – предостерег вернувшийся Вадим.

Он поднял свою рубаху.

– Давай-ка завернем его.

Через час пеленки полностью просохли, и Вадиму пришлось осторожно перепеленать уснувшего младенца. После этого он уложил малыша на мох невдалеке от костра.

* * *

– Ну вот, теперь можно покурить и обсудить наше приключение, – устало изрек ролевик, присаживаясь к огню.

Вадим и Сигурд закурили.

– У кого какие соображения? – спросил Вадим.

Первым отреагировал реконструктор.

– Вот Павел Николаевич днем упоминал про какую-то башню…

– Мы вчера собирались идти на замковую башню, это я точно помню.

– Ну?

– Выпили хорошо и решили на нее забраться.

– А дальше? – спросил Вадим.

– А дальше… – Павел напрягся, припоминая, – а дальше я не помню.

– Ну ясно, – подытожил Вадим, – собирались на башню, а ушли в лес.

– К озеру, – уточнил реконструктор.

– Да какая разница, – отрезал Павел, – главное, мы тут. Голодные и с «пойкой» на руках.

– А еще эти уроды на драккаре, – вставил Андрей, – чуть нас не подстрелили.

– Они «Кукшу» убили, – добавил Павел.

– Вот-вот!

– Правда-неправда, а драккар-то был самый настоящий, и стрелы у них не гуманные!

Вадим молчал. Он докурил сигарету и задумчиво ворошил палкой в костре.

– Бред какой-то, – не унимался реконструктор, – зачем они вообще стреляли? Что, пока мы пьянствовали, война началась?

– Я же говорю – «дикие реконструкторы», – настаивал Павел, – совсем, блин, «дикие».

– Да что это за «реки» такие, что среди бела дня палят направо и налево.

– Ты забыл еще дым за лесом, не иначе – пожар, – вспомнил Павел.

– Думаешь, эти на драккаре что-то там запалили? Вадим, а ты чего молчишь? – Андрей слегка толкнул ролевика в плечо. – Уснул, что ли?

– Мужики, – Вадим, отбросив палку, резко встал. Он постоял секунду и добавил: – Мне кажется, что главное во всем этом, не *где* мы, а *когда* мы?

Повисла гнетущая тишина. Ребята усиленно соображали – к такому вопросу не сразу подберешь нужные слова.

– Что еще за новости на нашем канале? – спросил Павел, глядя на друга.

– Постой, постой, – медленно произнес Андрей, – ты считаешь, что мы…

– Именно, – многозначительно подтвердил Вадим.

– Господа, о чем это вы? – не понял турист, хотя уже смутно начинал догадываться, что дело принимает неожиданный оборот.

Вадим опустился на место.

– Да, мужики, мы не в нашем времени, и это – факт.

– Ты спятил?! С чего это ты взял? – теперь вскочил Павел. – Как такое вообще может быть!

– Тише, спокойно, ребенка разбудишь.

– Вадя, да как тише? Как тише? Меня в Питере девушка ждет, у меня через месяц свадьба!

– Вот как?! А ты мне ничего про свадьбу не говорил, – с обидой в голосе произнес Вадим.

– Сегодня хотел сказать, – попытался оправдаться Павел, – да какое это сейчас имеет значение?

– Да сядешь ты наконец?! – попросил Вадим. – Не мельтеши.

Павел послушался и сел.

– А можно доводы? – подал голос реконструктор.

Вадим протянул ему сигарету и закурил сам.

– Доводы, говоришь, – он сделал глубокую затяжку, – будут вам доводы. Во-первых, и это самое главное – драккар, вернее, те люди, что были на нем.

– А что с ними не так? – не удержался от вопроса Павел. – Чем не реконструкторы?

– Да в том-то и дело, что слишком уж правильные они реконструкторы, – ответил Вадим. – Драккар-то у них настоящий. Где вы видели у нас на «фестах» такие драккары?

– В Польше есть такие, на Волинском фестивале, – со знанием дела заметил Сигурд.

– Да, но мы-то не в Польше, – парировал Вадим, – а в России, и у нас таких точно нет. И потом, они, завидев нас, сразу стали стрелять.

– А может у этих «диких» реконструкторов так принято, – робко предположил Павел.

– Ага, до того принято, что человека завалили, – ответил Вадим. – Не смешите меня. А дым за лесом – это наверняка они деревню какую-то запалили, а парень на лодке точно из той деревни. И он смылся, спасая своего «пойку».

– Так, может, они его искали? А как нашли – убили? – предположил Андрей.

– Очень похоже на то, – согласился Вадим. – И еще одно…

– Что? – разом спросили друзья.

– Вы помните, карел этот ломанулся от нас?

– Да.

– Ну?

– Так вот, он увидел мьёльнир[1] у Сигурда на шее и испугался, приняв того за настоящего викинга.

При этих словах, реконструктор машинально потрогал висевший у него на шее серебряный «молот Тора» – символ воина и любого реконструктора по эпохе викингов.

– Бред, – тяжело выдавил Павел.

– А чего же это он тебя не испугался? – спросил Андрей.

– Так у тебя костюм-то скандинавский, с тесьмой ручной, да еще мьёльнир, а у меня рубаха со славянской вышивкой.

– Но ведь он не славянин, он – финн или карел.

– Вот именно, а финно-угорские племена тоже свою одежду расшивали, и вышивка была очень похожа на славянскую – взаимопроникновение, да и сходство языческих культур. Ну ты же должен знать.

– Да знаю, знаю, – обидчиво произнес Андрей, – просто не заметил. И потом, допустить, что мы вот так просто взяли и ни с того ни с сего оказались в другом времени – в голове не укладывается…

– Вот-вот, не заметил, а, между прочим, этот финн-карел был в вышитой рубахе, и вышивка у него была мужская. Значит, он уже взрослый – мог быть воином.

– Здорово, – подал голос Павел, – значит, они хотели нас убить или захватить и сделать «кукшами».

– Примерно так, – ответил Вадим, – и еще, этот карел говорил вроде слово «бепся», так вот, это очень похоже на «вепсы».

– Хорошо же мы вчера погуляли, – произнес вконец расстроенный Павел. – Викинги, вепсы… а у меня свадьба через месяц…

Повисло тягостное молчание. Уставившись на играющие огоньки в костре, каждый думал о своем.

– И еще, – вдруг загадочно произнес Вадим, – я тут поутру в лесу наткнулся на странного типа. С виду старичок-боровичок, да больно уж прыткий…

Вадим рассказал друзьям о своем приключении.

– Странно, – нараспев произнес реконструктор, – может, это леший был?

Вадим пожал плечами.

– Не знаю, может и так. А у вас ничего поутру такого не было?

– У меня было, – признался Андрей, – я сомневался, рассказывать или нет. Думал, мираж с похмелья у меня… или что-то типа того… Но сейчас, услышав твою историю, Вадим, я понял, что это вовсе не мираж…

Тут Андрей искренне поведал друзьям о своей встрече с кикиморой, которая запросто меняет облик.

– Она так и сказала – кикимора? – переспросил Вадим.

– Представляешь, так и сказала: «Поцелуй кикиморы забывать нельзя!»

---

[1] «Мьёлнир» – амулет в виде молота Тора.

Истории действительно получились весьма загадочными и неправдоподобными. Они долго спорили, пытаясь найти рациональное объяснение всему происходившему с ними. Верилось с трудом, но, увы, все это не было сном.

Павел же долго молчал, не решаясь рассказать про свою встречу с купальщицей.

– Ты чего напрягся, Паша? – спросил Вадим, видя мучения друга.

– Да вот, у вас все истории какие-то…

– Какие?

– Да сказочные какие-то. Лешие, кикиморы – ерунда! А я вот девушку поутру встретил. Красивая – жуть…

Мало-помалу друзья вытянули из товарища все сведения об его утреннем купании.

– Русалка! – коротко резюмировал Вадим, дослушав рассказ друга.

– Точно, русалка, к гадалке не ходи! – поддержал это мнение Андрей.

– Да ну вас, – отмахнулся Павел, – говорю вам, это обычная девушка. Вот только я не знаю, куда она так стремительно подевалась.

– Нырнула поглубже, – хихикнул реконструктор.

– Паша, ну точно это была русалка, – утвердил Вадим.

– Нет, ерунда! Они вообще существуют, эти русалки?

– В нашем положении уже нечему удивляться, – философски заметил Вадим.

– Вот и я говорю, – Павел вставил свое веское слово, – ерунда полная… хотя, надо признаться, русалочка была симпатичная….

* * *

– Ладно, допустим мы в прошлом, – предположил реконструктор, – тогда какой сейчас год и где мы вообще?

– А я откуда знаю? – ответил Вадим. – Если, конечно, судить, что тут есть вепсы и викинги, то мы, скорее всего, у Ладожского озера, а вот насчет года точно не скажу. Вот если крепость Ладога уже существует, то мы минимум во второй половине восьмого века.

– Ясно, а если Ладоги нет, тогда мы несколько раньше, – закончил за него Андрей.

– Абсолютно справедливо, – поддержал Вадим, – и надо еще подумать….

– Постой, – резко перебил его реконструктор.

Вадим умолк, сдвинув брови:

– Чего?

– Постой, постой, – продолжил Андрей, – а может ли такое быть, что Ладоги нет, а викинги уже есть?

– Сия тайна велика есть, – философски ответствовал Вадим, – кто ж его знает. Мы же по учебникам историю учим, а не вживую… Хотя вот именно сейчас у нас и будет такая потрясающая возможность изучить все на месте.

– Ага, из первоисточника, если все это вообще не сказка и не страна чудес или Зазеркалье там какое-нибудь, – весомо и многозначительно вставил Павел.

– Так точно, Павел Николаевич, так точно! – улыбнувшись, заметил ролевик.

– Вот ведь, блин, всегда хотел попасть в прошлое, – мечтательно произнес реконструктор, – увидеть настоящих викингов, а вот увидел – и еле ноги унес.

– Да, дружище, – ответил ему Вадим, – это не игра, это – жизнь.

– Реконструкция – это не игра, – обиделся Андрей, задетый за живое.

Он искренне считал реконструкцию серьезным, основательным делом, а турниры и бугурты – испытанием для настоящих мужчин.

– Не обижайся, – примирительно произнес Вадим, – но реконструкция – это все же игра, а ты такой же ролевик, как и я. А сейчас мы попали в прошлое и вот это – действительно не игра. В этом мы уже убедились, и могу поспорить, скоро убедимся еще больше.

– Да хватит вам правду искать, – сказал Павел, – давайте думать, как нам вообще быть и как домой вернуться.

– Думаю, с возвращением у нас большие трудности, – заметил Вадим.

– Это еще почему? – не поверил Павел.

– А хотя бы потому, что для того, чтобы вернуться, надо знать, как мы сюда попали, то есть знать механизм.

– И мы его не знаем, – закончил за него Андрей.

– Именно.

– Так что, нам теперь вечно тут пропадать? А как же моя свадьба?

– Зачем же пропадать, – ответил Вадим, – думаю, завтра с утра надо навестить сгоревшую деревню нашего убиенного вепса, если, конечно, там вообще горела деревня. Может, там кто-нибудь остался, попробуем что-нибудь узнать и сориентироваться на местности, так сказать.

– Точно, пойдем в деревню, – поддержал его реконструктор, – узнаем, может, кто живой остался, тогда и «пойку» пристроим.

– Видишь, как у вас обоих глаза-то загорелись, попали, блин, в прошлое, – давно мечтали, бла-бла-бла… историки хреновы! А мне нельзя в прошлое! У меня работа, свадьба!

– Да что ты заладил: свадьба, свадьба, – укоризненно произнес реконструктор.

Вадим не дал Павлу ответить.

– А со свадьбой придется подождать, Пашка, до лучших времен.

Солнце скрылось, закат погас. В лесу стало совсем темно. Они еще посидели у гаснущего костра, покурили и стали устраиваться спать. Младенца положили между Вадимом и Павлом – авось не замерзнет. Усталость первого дня, проведенного в прошлом, дала о себе знать, и друзья быстро уснули.

Вадим во сне видел горящую деревню, напавших на мирных жителей викингов и парня, уплывающего на лодке с младенцем. Видел он метавшихся среди объятых пламенем домов баб и детей, и всюду дым… кровь… грязь… и убегающий старик!

Андрею снился скользящий по волнам черный драккар с полосатым парусом и грозной звериной фигурой на носу. Он сам стоял у рулевого весла и смотрел, как бородатые викинги, разгоняя корабль, в такт сгибаются и выпрямляются, уверенно работая веслами… И сладкий поцелуй кикиморы, который почему-то нельзя забыть. Но до чего же сладкий поцелуй!

А Павел Николаевич сначала грезил о русалке, о ее прелестях… но потом, словно устыдившись, мечтал о предстоящей свадьбе, о Насте в красивом белоснежном платье и еще о большом сочном куске жареного мяса. Уже под утро ему приснилась холодная, запотевшая бутылочка пива…

Маленький вепсский «пойка» всю ночь ворочал головкой, хлюпал и водил носом – ему снилась мамкина вкусная титька. Но, что удивительно, он ни разу не проснулся, не побеспокоил своих спасителей.

Глава третья
Встреча

Радость от встречи может быть омрачена встречей не с теми, кого ты ждешь.
Народная мудрость

Ранним утром «пойка» проснулся первым и криком разбудил всю троицу. Друзья поднялись нехотя, давила вчерашняя усталость – хотелось еще поспать. Но малыш оказался настойчив, и потому пришлось вставать, поить его через платочек и кормить оставшейся черникой. Андрей и Вадим позавтракали последней сигаретой, а Павел водичкой из ручья. Стали собираться в дорогу.

– Да, вот что, – сказал Вадим, – Андрея Сигурдом не называть. Мы все – славяне, имена можно говорить свои, думаю – нормально. Вепсы должны к славянам относиться лучше, чем к викингам.

– А есть ли тут славяне? – спросил Павел.

– Должны быть, как не быть, – ответил Андрей.

Вадим взял «пойку» на руки, решив нести его первым.

– И еще, Андрюха, спрячь «молот Тора» под рубаху, а лучше вообще сними от греха.

Реконструктор хотел было возразить, но, передумав, не стал.

– А как пойдем? – спросил Павел.

Вадим махнул налево.

– Туда. За спиной у нас озеро, значит, деревня слева.

– Где-то так, – подтвердил Андрей, – судя по дыму, вчера до деревни было не больше трех-четырех километров.

– Только мы вчера еще на пару километров забрали в лес, – уточнил Вадим и махнул рукой. – Ладно, пошли.

Троица пересекла ручей и двинулась в сторону предполагаемой вепсской деревни. Шли не спеша, часа три, по просторному сосновому бору. «Пойка» всю дорогу молчал, не выказывая беспокойства – есть не просил, но если бы даже и просил, то предложить ему было нечего. Вскоре они вышли на лесную дорогу. Решили идти по ней до деревни, предположив, что викингов вряд ли встретят. Маловероятно, что они решатся далеко уходить от озера и драккара.

– Кажись, дымком потянуло, – заметил шедший впереди Вадим.

Он остановился – прислушался, принюхался. Андрей и Павел последовали его примеру.

– Точно, дымом пахнет, – подтвердил Павел, держащий ребенка – была его очередь нести.

– Ну, значит, мы рядом, – заключил Андрей.

Оглядевшись и не заметив ничего тревожного, двинулись дальше. Дорога, шириной в одну телегу, делала резкий поворот, пройдя его, друзья оказались на околице сгоревшей деревни. Судя по пепелищам, в деревне было не меньше двух десятков домов, и, наверное, какие-то хозяйственные постройки. Но сейчас об этом оставалось только догадываться. Деревня стояла на сухом ровном месте – озеро видно не было, но друзья предполагали, что оно совсем рядом. Из всех построек уцелел только небольшой сарай, стоящий вдалеке от домов, почти у самого леса – все остальное сгорело дотла. На месте бывших изб чернели груды угля и полукруглые вверху глиняные печи. Проходя по центральной улице сгоревшей деревни, друзья видели многочисленные осколки глиняной посуды – тарелок, крынок, кру-

жек. Все говорило о тотальном уничтожении, но, как ни странно, трупов людей они не обнаружили, лишь дважды заметили обугленные останки дворовых собак.

– Ну, что будем делать? – спросил Павел, отдавая ребенка Андрею. – Кажется, тут никого нет.

В ответ на его вопрос раздалось заунывное мяуканье, и на улицу выскочили две рыжие кошки, они так обрадовались появлению людей, что кинулись к ближайшему к ним Вадиму и стали ласково тереться о его ноги. Ролевик не сопротивлялся.

– Куда же все подевались? – в раздумье спросил он.

– А может, их утопили? – предположил Павел.

Проснулся «пойка» и тут же принялся хныкать. Андрею, державшему ребенка, пришлось его качать, чтобы успокоить.

– Проснулся, оглоед, – констатировал Павел, – а кормить все равно нечем.

– Нет, не может быть, – уверенно произнес Вадим, – чтобы их всех утопили. Да и зачем? Ограбить – ограбили, но топить?

Реконструктор пожал плечами, а Павел, что-то заметив среди углей, пошел проверять.

– Ого! – воскликнул он. – Смотрите, что я нашел. – И он гордо продемонстрировал находку.

– Монета? – искренне удивился Андрей.

– А ну-ка дай посмотреть, – попросил Вадим.

Взяв монету в руки, он тщательно потер ее, очищая от копоти. Нумизматика была его вторым излюбленным хобби, которому он предавался не менее страстно, чем самой истории. Любовь к этой вспомогательной исторической дисциплине привил ему в университете профессор Кармин Александр Васильевич. И Вадим был ему за это весьма благодарен. Именно с лекций профессора и началась коллекция монет, которую он начал собирать с первого курса. И пусть его коллекция была не так велика, как у Александра Васильевича, но там было на что посмотреть.

– Арабский серебряный дирхем, – со знанием дела заявил Вадим.

– Откуда он в этой дыре, – не поверил Павел.

– Ничего удивительного, – почти равнодушно ответил ролевик, продолжая рассматривать арабскую вязь на монете, – Ладожское озеро – есть часть пути из варяг…

– В греки, и не только, – закончил за него реконструктор.

– Дирхем – это много? – не унимался обрадованный находке Павле.

– Не очень.

– А на еду хватит?

– Паша, – с улыбкой произнес Вадим, – на один хороший раз точно хватит, поэтому спрячь – пригодится.

Он протянул найденную монету другу, и тот бережно спрятал ее в карман джинсов:

– Что дальше будем делать?

– Будем ждать, рано или поздно кто-то из уцелевших обязательно вернется, – констатировал Вадим.

«Пойка», несмотря на все старания Андрея, продолжал плакать, и вскоре его голодный плач стал далеко разлетаться над округой. Солнце начало припекать. С голодным ребенком был особенно солидарен Павел, который принялся кружить вокруг сгоревших изб в поисках съестного.

Ждать им пришлось не долго. С дороги, которая привела их на пепелище, послышались голоса, конское ржание, скрип телег и звук бубна.

– Кажется, к нам гости, – предположил Вадим.

Голоса на дороге становились все отчетливее, уже можно было различить мужские голоса и женские стенания.

– Не иначе похоронная процессия, – предположил Вадим. – Пашка, – негромко позвал он, – давай, вспоминай все от бабушки, нам сейчас позарез понадобится переводчик.

– Так я же сотый раз вам говорю, все что знал – рассказал!

На споры времени не было, из-за поворота показались несколько мужчин, шедших во главе процессии. Один из них нес шест с небольшой перекладиной сверху. На перекладине друзья разглядели цветные лоскутки, трепыхающиеся на легком ветерке. Мужик, несший шест, был облачен в меховой не то жилет, не то накидку и заметно прихрамывал. Шедший рядом с ним, небольшого росточка в лохматой шапке мужичок, ударял в бубен при каждом шаге. Остальные были вооружены копьями, которые держали наизготове, кроме того, друзья разглядели длинные ножи на поясах копьеносцев.

– Так, мужики, только не дрейфить! – предупредил Вадим.

– Обижаешь, – первым ответил реконструктор.

– Нет, нет, ну что ты, как можно, – произнес Павел, делая шаг за спину Вадима.

Вепсы заметили незваных гостей и остановились. Бубен умолк. Вперед выступил широкоплечий вепс с копьем в руке. Этот был на голову выше всех, с копной черных, седеющих волос. Он поднял правую руку – все разом умолкли, и наступила тишина.

Несколько секунд вепсы рассматривали троих незнакомцев со свертком на руках. Широкоплечий поправил кожаную шапку на голове, повернул голову к остальным и что-то сказал. От процессии отделились пять копьеносцев и, во главе с широкоплечим, двинулись вперед. Друзья заметили, что еще несколько воинов с копьями стали обходить их слева и справа, а двое лучников, заняв удобные позиции, приготовились в случае необходимости поддержать разговор.

Когда до приближающихся воинов оставалось не более десяти метров, Вадим сделал шаг вперед и поднял правую руку, раскрытой ладонью к ним. По его убеждению это был межнациональный знак мирных намерений.

– Вроде поняли, – едва слышно произнес Андрей. – Похоже, этот у них главный.

Вепсы остановились. Широкоплечий сделал шаг навстречу Вадиму и произнес:

– Мика синун нимэси он?[2]

Вадим опустил руку, чуть повернул голову к Павлу и сквозь зубы спросил:

– Что он сказал?

– Спрашивает, что мы тут делаем, – ответил Павел и добавил: – Наверное…

Вадим смекнул, что его друг ничего не понял, поэтому попытался улыбнуться и, приложив руку ладонью к груди, произнес:

– Вадим. А это мои друзья.

– Мина юмарян![3]

– Это я знаю, – воскликнул Павел, – он говорит, что не понимает.

– Спасибо, – тихо поблагодарил Вадим, сам пытаясь вспомнить слышанные им когда-то финские слова.

– У нас, кажется, ваш «пойка», – произнес он после короткой паузы.

Главный вепс уловил знакомое слово, и Вадим, чтобы закрепить успех, отступил на шаг в сторону и протянул руку, указывая на реконструктора, держащего ребенка.

Малыш, словно почуяв, что разговор именно о нем, издал протяжный писк.

– Пойка? – недоверчиво спросил вепс.

– Пойка, пойка! – утвердительно закачал головой Андрей, протягивая голосящий сверток широкоплечему.

---

[2] Кто вы такие? *(фин.)*

[3] Я не понимаю!

Карие глаза вепса вспыхнули, он сделал шаг вперед. Вдруг на дороге раздался протяжный бабий вой, и от застывшей в молчании процессии отделилась молодая женщина. Вепсы обернулись. Обхватив руками непокрытую голову, она с криками бросилась бежать к незнакомцам. Оказавшись рядом, что-то крикнула широкоплечему и протянула руки к свертку. Андрей осторожно передал ей ребенка. Женщина заглянула в лицо младенцу и нежно прижала его к груди. Из ее глаз катились слезы. Она щекой прильнула к головке «пойки» и сквозь слезы произнесла:

– Киитос… киитоксиа оикейн палёон![4]

Трое друзей стояли в оцепенении, наблюдая, как мать, обнимая ребенка, направилась обратно к процессии.

– Киитос, – молчание нарушил широкоплечий вепс.

Он обвел рукой сгоревшую деревню и стал что-то объяснять незнакомцам. Он говорил все быстрее, глаза блестели злостью, а его морщинистое лицо выражало ярость.

– Паша, ты что-нибудь понимаешь? – нетерпеливо спросил Вадим.

– Я понял только, что тут есть какая-то река, – ответил Павел, – не то Альда, не то Аллода.

– При чем тут река? – недоуменно спросил реконструктор.

Тем временем главный вепс умолк, а затем вплотную приблизился к Вадиму и, положив ему руку на плечо, произнес:

– Тэ юстава канза бепся! Тэ юстава Конди.[5]

Вадим смекнул, что Конди может быть именем. Он указал рукой на себя и представился:

– Вадим!

Затем он указал на широкоплечего.

– Конди?

Вепс улыбнулся и утвердительно закачал головой.

– Кюлля, Конди!

– Да, Конди, – подсказал Павел.

– Я уже понял, – ответил Вадим, – а это Андрей, – он указал на реконструктора.

Широкоплечий подошел к нему и, положив руку на плечо Андрея, произнес:

– Юстава.

Андрей шепнул Павлу:

– Что он говорит?

– Кажется, друг!

– Юстава, – ответил Андрей, улыбнувшись вепсу.

– Мина[6] Павел, – представился вдруг осмелевший турист.

Вепс подошел к нему.

– Пвел?

– Нет… мм! – Павел опять растерялся. – Я не Пвел.

– Паша, – подсказал ему Вадим.

– Мина Паша.

– Юстава Паша, – улыбнулся вепс, положив руку ему на плечо.

Затем широкоплечий развернулся к своим людям и отдал короткий приказ. Воины с копьями замахали руками, и процессия двинулась вперед. Опять послышался женский плач, ржание лошадей и скрип телег.

---

[4] Спасибо… большое спасибо!

[5] Ты друг вепсов! Ты друг Конди.

[6] Я – Павел.

– Может, у них еды спросить? – предложил Паша.

Его поддержал реконструктор:

– А что, неплохо бы подкрепиться.

Вадим позвал широкоплечего по имени, раскрыл рот и указал пальцем. Затем погладил себя по животу. Вепс кивнул – мол, понял. Он распорядился, и один из воинов повел всех троих с собой. Процессия, состоящая из шести телег в окружении десятка стенающих женщин с растрепанными волосами и еще около двух десятков мужчин, свернула в сторону. Они направились к краю леса, туда, где стоял единственный, чудом уцелевший сарай. Одна из телег остановилась недалеко от гостей, и сопровождающий их воин указал на нее – мол, садитесь. Они забрались на телегу. Через несколько минут два других воина принесли им хлеб, сушеную рыбу и какой-то напиток в глиняной крынке. У телеги остался только один вепс с копьем, остальные поспешили к сараю. Павел первым отхлебнул из крынки.

– Кефир.

– Ну-ка дай, – Андрей взял сосуд и приложился, – ну точно, простокваша.

– Паша, – позвал Вадим, – а как, говоришь, называется та река, про которую говорил Конди?

– Альда вроде.

– А йоки – это река?

– Ну да. Йоки – река, ярве – озеро.

Вадим откусил хлеба и вновь спросил:

– Значит по-вепсски Альдайоки?

– Ну да, – ответил Павел, – он так и сказал Альдайоки.

– А что случилось? – вмешался Андрей.

Вадим прожевал и, запив простоквашей, ответил:

– Мы теперь можем примерно предположить, в каком мы времени.

– ???

– Как?

– Очень просто. Если река по-ихнему Альдайоки, то прибавив скандинавское окончание борг,[7] получим Альдайокиборг, что очень похоже на Альдегьюборг.

– Альдегьюборг? – не поверил Андрей. – Ладога?

– Да, – ответил Вадим, – если викинги, как говорит Конди, пришли с реки Альда, а это по-нашему Волхов, то наверняка Ладога уже существует.

– Круто! – обрадовался реконструктор.

– Надо будет при случае спросить у Конди, не знает ли он о Рюрике, тогда все встанет на свои места.

– А нам этот Альдегьюборг вообще нужен? – спросил Павел.

– Конечно! Можно посмотреть на древний город викингов, – воскликнул Андрей.

Он сказал это так громко, что охранявший их вепс напрягся, услышав слово «викинг». Вепс даже перехватил копье и стал озираться. Заметив это, Вадим поднял руку – мол, все хорошо. Воин, убедившись, что поблизости нет врагов, успокоился.

– Тише ты, не ори, – цыкнул Вадим на реконструктора, – мы уже с викингами познакомились, и, кажется, это знакомство никого из нас особо не вдохновило.

– Так Альдегьюборг – это ведь чертовски любопытно, – понизив голос, продолжил восхищаться реконструктор.

– Вот знаешь, почему ваш Один одноглазый? – неожиданно спросил его Павел.

– Ну, знамо дело… – начал было Андрей, но Павел перебил его, не дав закончить:

[7] Борг – город.

– Потому что тоже любопытный был, и совал свои зенки куда не попадя, вот ему глазик-то один и выставили, другим в науку, а вам, викингосам, все неймется. Любопытно тебе. А мне вот нисколечко не интересен ваш этот Адельгуборг или как там его…

Павел выдал это быстро, почти скороговоркой, не дав реконструктору и слова вставить в защиту святых истин.

Вадим улыбнулся и посмотрел на разошедшегося друга.

– Павел Николаевич, ну вы жгете…..

– А я вам говорю, что если существует Альдегьюборг, то надо бы и глянуть, – не унимался реконструктор.

– Так, Вадя, и в каком мы времени, по-твоему? – явно игнорируя сказанное Андреем, нетерпеливо переспросил Павел.

– Если Ладога существует, значит, мы где-то во второй половине восьмого века.

Павел посмотрел на друга, зажмурился и резко покачал головой.

– Не-е-е, – жалобно протянул он, – мне это ни о чем не говорит, а впрочем, мне все равно.

– Не беда, разберемся, – буркнул Вадим.

– Да-а-а уж, – мечтательно протянул Андрей.

Утоляя жажду и голод, они с любопытством наблюдали за вепсами у сарая. Оказалось, за ним были сложены трупы погорельцев, и теперь их бережно грузили на телеги. Уложенные трупы, среди которых, как заметили друзья, были и мужчины, и женщины, и даже дети, вепсы накрывали серым полотном. Пока мужчины грузили трупы, женщины не переставали причитать. Некоторые падали на колени и рвали на себе волосы. Мужик с бубном кружил вокруг телег, ритмично постукивая по нему.

Пожевав немного хлеба и выпив всю простоквашу, друзья отложили еду. Печальная картина не способствовала аппетиту. Только Вадим, немного поразмыслив, принялся за рыбу. Андрей и Павел уставились на него – у них самих кусок больше не лез в горло.

– Чего вылупились? – спросил Вадим. – Ешьте, когда еще доведется.

Но друзья наотрез отказались.

– Вы что, трупов никогда не видели? – удивился Вадим.

– Столько нет! – за обоих ответил Андрей.

– А вот это, дружище, и есть реконструкция – именуемая жизнью.

– Ты опять за свое? – обиделся реконструктор.

– Я не за свое, я за твое. Ты это хотел реконструировать? – резко спросил Вадим, указывая на телеги с трупами.

– Ну елы-палы! Что вы опять завели свою пластинку, – вмешался Павел, – какая теперь разница.

Все трое умолкли. Павел и Андрей смотрели на работу вепсов, а Вадим доедал сушеную рыбину. На запах рыбы опять, невесть откуда появились две рыжие кошки. Вадим бросил им недоеденную рыбу и спрыгнул с телеги. Кошки жадно накинулись не еду.

– Ладно, не сердись, – примирительно произнес Вадим, – нашло что-то…

– Проехали, – спокойно ответил Андрей, и через секунду добавил: – Смотрите, кажется, управились.

Действительно, вепсы, погрузив все тела, стали разворачивать телеги к деревне. К друзьям подошел Конди и жестами указал на телегу – мол, поехали. Они не возражали. Воин, охранявший их, тоже сел с ними и взялся за вожжи, но трогать не торопился. Они пропустили процессию вперед. Шествие, как и прежде, возглавляли хромой с шестом и мужик с бубном. Телега друзей тронулась, замыкая шествие. Конди шел рядом с телегой. Вадим, вытянув шею, пытался разглядеть в толпе мать «пойки». Все время, пока грузили трупы, он ее не видел. И только когда процессия миновала поворот, оставив сгоревшую деревню,

он наконец увидел женщину. Та сидела у дороги на поваленном дереве, тихонько покачивая сына. Поравнявшись с ней, Конди позвал ее по имени:

– Улла!

Услышав свое имя, женщина подняла голову и, увидев телегу со спасителями своего сына, улыбнулась сквозь еще не просохшие слезы. Широкоплечий подошел к Улле и, взяв ее под локоть, поддержал, чтобы она смогла подняться. Телега с друзьями остановилась. Вадим спрыгнул и помог Конди усадить женщину с ребенком. Сам же не стал садиться, а пошел рядом с вепсом.

Дорога часто петляла среди леса, то сужаясь, то немного расширяясь. Дважды вброд пересекали ручьи, трижды проезжали мимо небольших полей, на которых росли какие-то колосья, а на одном – лен. Двигались не быстро. Павел, несмотря на тряску, умудрился уснуть, завалившись поперек телеги, а Андрей сидел в задумчивости, лишь изредка поглядывая вперед на процессию. Вадим продолжал шествовать рядом с Конди, который за всю дорогу больше не пытался заговорить с ними. Лишь однажды он что-то сказал Улле, когда «пойка» проснулся и заплакал. Она сняла с малыша мокрые пеленки, бросила их на дно телеги и закутала его в понёву.[8] А затем, удобно устроив ребенка на руке, достала грудь и, никого не стесняясь, стала кормить сына. Вадим, чтобы не смущать женщину и самому не смущаться, ускорил шаг. Конди, вероятно, разгадавший смысл его маневра, тоже прибавил шагу и нагнал Вадима. Находившийся же на телеге Андрей в удивлении выгнул брови, бросил беглый взгляд на обнаженную женскую грудь и тут же благородно отвернулся.

Вывернув из-за очередного поворота, Вадим увидел впереди речку, мост через нее и за ним большую деревню. Поселение располагалось на просторном месте и было обнесено забором в виде частокола, высотой не больше человеческого роста.

– Мина ма, – сказал Конди, указывая на поселение, – мина кюла Каргийоки.

– Что, уже приехали? – проснувшись, спросил Паша.

– Да, – ответил Вадим, – Конди говорит, это Каргийоки.

– А-а-а-а, – протянул Павел, – карги – не знаю, а вот йоки это река.

– Это мы и без тебя знаем, – улыбнувшись, произнес Вадим, – мог бы бабушку и поподробнее расспросить, толмач ты наш.

Процессия, перейдя мост, свернула в сторону от ворот. Широкоплечий что-то приказал трем воинам, попрощался с гостями и удалился вслед за процессией. А телега с гостями и Уллой, в сопровождении трех вепсов, двинулась к поселению.

– Наверное, хоронить поехали, – догадался Андрей, кивая на удаляющиеся телеги.

– А нас куда? – спросил Павел.

– Вероятно, на постой, – предположил Вадим.

Двухстворчатые ворота открылись, и телега с гостями въехала внутрь поселения.

[8] Понёва – верхняя, как правило, цветная юбка.

Глава четвертая
Каргийоки

Дом, милый дом…

Для постоя им отвели небольшую избу. Справа от входа стояла печка, у противоположной стены стол и широкие лавки вдоль стен. Вепс, проводивший их, вышел. Друзья уселись на лавке за столом. Через минуту явилась девчушка лет двенадцати и принесла хлеб, мед и две крынки, расставила на столе и выбежала. Но вскоре опять вернулась с большим мешком. Поставив мешок на лавку, она извлекла из него три небольшие подушки и три одеяла, больше похожие на старые плащи. Затем девочка указала на дальний угол и что-то прощебетала. В углу лежали узкие матрацы, с виду набитые не то соломой, не то сеном. Друзья поблагодарили – кивнули девчонке, мол, поняли. Она едва заметно улыбнулась и выскочила за дверь. Троица, немного отведав хлеба с медом и запив все простоквашей, принялась разбирать постельные принадлежности и устраиваться отдыхать на лавках. Они ждали, что к ним может прийти Конди или еще кто-нибудь из вепсов, но вскоре за единственным маленьким оконцем полностью стемнело, и в этот вечер к ним никто так и не пришел.

Вепсы хоронили убитых родственников, и иногда в избу долетали звуки женского плача, «войкада»,[9] как объяснил им Павел, так назывались погребальные причитания.

– Бабушка рассказывала, – пояснил он.

С непривычки они долго ворочались на лавках, пытаясь устроиться поудобнее, и наконец, найдя правильное положение, уснули.

Андрею-Сигурду сразу начал сниться древний Альдегьюборг и меч, который он выторговал у местного кузнеца. Меч был хорош. Длинный, с широким долом и литым бронзовым навершием.[10] Настоящий скандинавский меч – гроза врагов. К такому оружию полагались красивые ножны, и Сигурд купил их. Деревянные, обтянутые красной тисненой кожей, с бронзовыми накладками. Красота, да и только! И вот уже он, Сигурд Великий – могучий северный воин, стоя впереди, у носовой фигуры, летел на своем драккаре покорять неведомые страны. А за его спиной верные воины пели веселую песню, дружно налегая на весла. В той песне пелось об одноглазом Одине – предводителе всех варяжских дружин. О славных походах, о богатой добыче и о прекрасной девушке, что ждала своего героя за морями, за горами, на холодном северном фьорде…

Павлу снилась его, теперь уже бесконечно далекая и от того недосягаемая невеста. А дотянуться хотелось, чертовски хотелось. Хотя бы одним глазком взглянуть, как она примеряет свадебное платье, которое они вместе купили в салоне на Петроградке. Во сне Настя корила его за то, что он поддался на уговоры Вадима и поехал на этот дурацкий реконструкторский фестиваль. Потом он увидел, как она плачет, сидя у телефона, не зная, кому еще позвонить, у кого узнать, куда подевался ее суженый и где пропадает. Он хотел крикнуть ей: «Не плачь!» И крикнул во сне, но она не услышала…

Вадим видел телеги с трупами. Он явственно представил себе, как вепсы хоронят их, воздают погибшим хвалу и клянутся отомстить врагам за их смерть и поругание. Ему представлялся шаман с бубном, прыгающий вокруг поминального костра и бормочущий странные, ему одному понятные заклинания. И видел стоявших рядом Конди и Уллу с «пойкой» на руках…

---

[9] ойкад – древний вепсский обычай погребального причитания. Женщины всего рода при похоронах родственников должны были беспрерывно причитать и плакать, тем самым выражая глубокую скорбь всего рода.

[10] Навершие или яблоко – окончание рукоятки меча.

Ночь завладела природой, а где-то на окраине поселка жалобно и протяжно выла собака…

* * *

На следующее утро их пришел будить молодой парнишка, босой, в подпоясанной веревкой длинной рубахе с плеча явно старшего брата или отца. Он что-то сказал и жестами пригласил во двор. Выйдя, они увидели бочку, полную воды, рядом стояло деревянное ведро. В избу проскочила вчерашняя девчушка с большой тарелкой вареных яиц, хлебом и крынкой. Раздевшись по пояс, друзья умылись, сетуя на отсутствие мыла. После утреннего моциона парнишка пригласил их обратно в избу.

Стол был уже накрыт. Друзья сели и не спеша принялись завтракать. Парнишка устроился на лавке и стал с любопытством разглядывать гостей. Дождавшись, когда они закончат трапезу, он встал и жестами опять позвал во двор. Во дворе друзья не задержались, парнишка повел их дальше.

Подойдя к большому дому, мальчик указал на дверь – мол, вам туда, заходите. Вадим первым толкнул дверь и переступил через низкий порог, успев сказать друзьям, чтобы не наступали на него.

– А чего? – не удержался от вопроса Павел.

– Нельзя наступать на порог, – шепнул ему на ухо Андрей, – примета плохая, да и хозяев обидеть этим можно…

Внутри их встретили двое. Молодой вепс в нарядной рубахе и второй, явно не вепсской наружности, в короткой кольчуге, при мече и шлеме. Окольчуженный внимательно осмотрел гостей и отступил в сторону, а вепс провел друзей в просторную комнату, где их уже ждали. Конди, в длинной беленой рубахе с вышивкой крестообразным узором вокруг шеи, рукавов и низа рубахи, восседал на резном стуле с высокой спинкой во главе длинного стола. По правую руку от вепса сидел какой-то светло-русый мужик с окладистой, уже почти полностью поседевшей бородой. Одет он был в травянистого цвета рубаху с незатейливой вышивкой, а на коленях держал серый плащ. Друзья заметили, что этот незнакомец, в отличие от вепса, опоясан длинным мечом. На вид мужику было не более сорока – сорока пяти лет, во всяком случае, так показалось Вадиму.

– Хюваа хуомента,[11] – поздоровался Конди, не вставая с места.

Друзья поздоровались в ответ. Русый мужик прищурил правый глаз и тоже изрек:

– Здраве буде!

Друзья переглянулись. Конди жестом указал им за стол. Они сели слева от вепса, напротив мужика.

– Елико сякие?[12] Откель грядеши?[13] – спросил светло-русый.

Вадим взглянул на вепса, тот кивнул головой – мол, отвечай.

– А вы русск… Простите, словен?

– Словен! – подтвердил мужик.

Вадим невольно обрадовался и даже улыбнулся. Еще учась в университете на историческом факультете, он активно изучал древнерусский язык и заметно в этом преуспел, что не раз ему пригождалось и на фестивалях, и на ролевых играх.

– Идее ваше мисто? Порекло е?[14] – вновь спросил словенин.

---

[11] Доброе утро.

[12] Кто такие?

[13] Откуда пришли?

[14] Где ваш дом? Имя (прозвище) есть?

Однако Вадим понимал, одно дело на играх, а тут момент серьезный, исторический, так сказать. «Как бы не облажаться», – подумал Вадим и вслух произнес, представляясь:

– Аз Вадим, овый Паша, овый Андрей, – он указал на друзей.

Юноши, услышав свои имена, слегка кивнули. Вадим почувствовал, что уверенность в языке вернулась к нему полностью.

– Мы словене, – утвердил он.

Мужик недоверчиво глянул на реконструктора и, указав на него пальцем, строго спросил:

– Овый словен?

– Да, – искренне ответил Вадим.

– Блядь![15] – громко сказал мужик, хлопнув ладонью по столу.

– А что вы ругаетесь? – воскликнул Павел, не терпевший матерщинников.

Вадим посмотрел на Андрея:

– Не поверил, что ты словенин.

– Да я понял, – вздохнул реконструктор.

– Речи борзо! – поторопил мужик. – Елико сякий?

– Кажись, влипли, – тихо произнес Паша.

Реконструктор не выдержал пристального взгляда мужика, встал из-за стола и гордо произнес:

– Я… Эк варяг, эк хейтир Сигурд![16]

– Варяг?! – Конди вскочил со своего места и выхватил висящий на поясе нож.

Мужик потянулся к мечу.

– Стойте!!! – крикнул Вадим, бегло перейдя на древнерусский. – Стойте! Это мой варяг и мы вам «пойку» спасли. Вы не можете его убить – законы очага святы, боги проклянут вас…

Он особенно не рассчитывал, что его поймут, но сработало. Вепс остановился, а словенин произнес:

– Сядь, Конди, сядь! Сейчас мы все выпытаем.

Вепс немного успокоился, сел, но продолжал недобро коситься на реконструктора.

– Ну, давай свою сказку, – предложил мужик.

Вадим перевел дух и заговорил, на ходу придумывая, как доходчиво и более или менее правдиво объяснить им, откуда они взялись в здешних краях.

– Мы возвращались из дальней стороны, шли вдоль озера. Остановились искупаться и тут мы заметили лодку… и дым из-за леса. Лодка причалила к берегу… там был парень. Он попытался нам рассказать, что случилось. В лодке был ребенок. Потом приплыл черный драккар и те, что были на нем, стали стрелять. Парня убили, а мы схватили «пойку» и дали плеча,[17] в лес. Так и ушли. Переночевали в лесу, а утром пошли в сгоревшую деревню, где и встретили Конди с его людьми. Остальное вы знаете.

– Добро, – произнес мужик, похлопывая ладонью по столу, – а где ты этого варяга взял?

– Я победил его в поединке… но оставил ему жизнь, теперь он служит мне.

Сигурд смутно, но все же понял о чем речь:

– Это ты хватил, – прошипел Андрей.

– Да молчи уж, пока голову не срубили, – едва слышно ответил Вадим.

---

[15] Блядь – по-старославянски врать, говорить неправду.

[16] Я варяг, мое имя Сигурд!

[17] Дать плеча – убежать.

– Добро! С варягом пусть будет, как говоришь, а этот чудин,[18] – он кивнул на Павла, – откуда при тебе?

Вадим осмелев, уверенно спросил сам:

– Мы уже достаточно рассказали о себе и назвали тебе свои имена, а почему ты не хочешь?

Мужик пристально оглядел Вадима, оценивая его. Поняв, что если словенин скажет свое имя, контакт будет окончательно налажен, Вадим выпрямился, расправил свои не хрупкие плечи. Под льняной рубахой проступила мощная грудь – спасибо родному спортзалу.

– Я Боривой из Новограда, – наконец ответил мужик. – Так ты теперь скажешь, откуда у тебя этот чудин, который так плохо говорит на родном языке?

– У него отец чудин, а мать словенка, – ответил Вадим.

– Вадя, это вы про меня? – встрял Паша.

– Что за странный у вас говор, ничего не понять? – вновь спросил Боривой.

– Это древний язык москалей, – не растерялся Вадим, – мы жили у них долго, так долго, что Паша забыл родную речь.

– П-а-в-е-л, – неожиданно нараспев произнес до сих пор молчавший Конди, – что за странное имя? Я еще вчера приметил.

Вадим несколько удивился, что тот знает по-славянски.

– Это москальское имя, – уверенно соврал он. – Можно просто Паша. Он попал к москалям еще ребенком, его варяги продали. Я там с ним и познакомился, выкупил его, он очень хотел вернуться домой. Но дом его тоже сожгли варяги.

«Вот ведь наплел», – подумал Вадим.

– Ай-яй-яй, – покачивая головой, посочувствовал вепс и добавил еще что-то на своем языке.

– Я хотел просить тебя, – обратился Вадим к вепсу, – не найдется ли подходящей одежды для Паши, а то его москальская одежда очень уж некрасивая.

– Найдем, – ответил Конди, – конечно, найдем. – Я еще должен поблагодарить вас, – он покосился на Сигурда, – поблагодарить вас всех, что вы спасли моего внука.

Конди вдруг нахмурился, его кулаки сжались.

– Я потерял Митту, своего единственного сына, но вы уберегли мне внука, и я хочу отблагодарить вас. Среди вас есть сын нашего племени – он станет сыном нашего рода, моим сыном.

Вепс встал. Друзья тоже невольно поднялись. «Вот так поворот событий», – подумал про себя Вадим, а вслух молвил:

– Это большая и заслуженная честь, тем более что именно Паша первым схватил твоего внука и вынес из-под стрел, а потом всю дорогу заботился о нем.

Павел открыл было рот, он хотел что-то сказать, но слов не находил. Конди подошел к нему и крепко обнял.

– Кровь не обманешь. Сегодня вечером перед всем своим родом я назову тебя своим сыном.

Паша едва не проронил слезу от переполнявших его чувств.

– Спасибо, – с трудом выдавил он из себя.

Вепс разомкнул объятия и обратился к Вадиму:

– Ты выкупил его у чужеземцев, и я готов уплатить тебе долг.

– Нет, что ты! Не надо, Конди, – запротестовал Вадим. – Паша стал мне другом, а я друзьями не торгую – он свободный человек.

– Тогда не отказывай мне и прими подарки.

---

[18] Словене называли вепсов чудь, чудин.

Он громко крикнул что-то по-вепсски, и в комнату тут же вошел воин. Пройдя вперед, воин положил на стол два меча. Один был длинный, в деревянных, обтянутых кожей ножнах, и украшенный бронзовыми накладками. Гарда[19] и навершие тоже были бронзовыми, с красивым вытравленным узором. Вадиму меч напоминал настоящий «Каролинг»[20] эпохи викингов. Сигурд же при виде меча нервно сглотнул слюну – вот она, реконструкция, история лежала прямо перед глазами, только руку протяни. Почти такой же он видел сегодня во сне, только тогда это был его меч.

– Это мой подарок тебе, Вадим, – сказал Конди, протягивая меч гостю.

Вадим бережно принял подарок двумя руками и, поклонившись, поблагодарил за поистине княжеский дар.

Второй меч был короче сантиметров на двадцать и скорее походил на скрамосакс.[21] Он тоже был в ножнах целиком из коричневой кожи. Скрамосакс не был ничем украшен, кроме чеканной бронзовой накладки на рукояти. Конди взял короткий меч и протянул Андрею-Сигурду.

– Это тебе, варяг, – в его голосе прозвучала нотка раздражения. Но вепс справился с секундным приступом и добавил: – Спасибо за помощь.

Сигурд взял подарок, слегка наклонил голову и, чтобы до конца доиграть начавшуюся пьесу, произнес по-скандинавски:

– Так ферир![22]

Его все приняли за варяга-викинга, и он был рад этому удавшемуся фарсу. Андрей так стремился к этому все три года своей реконструкторской жизни. Да, иногда сбываются даже самые фантастические мечты…

Трогательный обмен любезностями прервал Боривой, который до этого молча сидел и наблюдал:

– Конди, мы с тобой уже обо всем договорились, – он встал. – Буду ждать твоих людей в назначенное время в известном тебе месте.

– Я буду! – твердо произнес вепс.

– Тогда мне пора, – сказал новгородец, накидывая плащ, – я думаю, ты не будешь возражать, если я заберу твоих гостей с собой.

Вепс удивленно вскинул брови.

– Конечно, кроме твоего нового сына, – поспешил заверить Боривой.

– У тебя им будет веселей, – улыбнулся Конди.

– Постойте! А нас, что, спрашивать не будете? Хотим мы или нет? – спросил за всех Вадим.

– А вы, что, разве привыкли сидеть у печки? – вопросом на вопрос ответил Боривой. – По вашим глазам вижу, как вы принимали подарки Конди. Вы не огнищане,[23] вы воины, а разве место воина не в дружине?

– Так куда мы? – спросил Вадим, прикрепляя подаренный меч к поясу.

Новгородец застегнул фибулу[24] и сдвинул плащ так, чтобы правая рука была свободна.

– Ратиться! – ответил он и хитро подмигнул друзьям.

– С кем? – не удержался Сигурд.

– С врагами, – ответил Боривой и направился к двери. – Ну, что замерли? Пошли!

---

[19] Гарда – перекрестие меча.

[20] Каролинг – тип меча, получивший большое распространение в раннем средневековье.

[21] Скрамосакс – короткий меч саксов, получил широкое распространение у многих народов, использовался и викингами.

[22] Большое спасибо!

[23] Огнищанин – пахарь, крестьянин.

[24] Фибула – застежка.

Когда они вышли, им подвели коней – небольших, лохматых, но широких в крупе лошадок. Друзья впали в ступор – седел не было, вместо них какие-то устройства из кожаных накидок и овечьей шкуры. Хорошо хоть были стремена. Но ездить верхом они не умели, пробовать, конечно, пробовали пару раз – и то шагом и в удобном седле.

Боривой углядел их смущение:

– Не робейте, справитесь, тут не далеко, – и первым запрыгнул на лошадь.

Друзьям ничего не оставалось, и они последовали его примеру – забрались почти сразу. Их провожали Конди с Павлом и еще несколько вепсских воинов.

– Вы уж меня не забывайте, приезжайте, – попросил Паша, растерянный от неожиданного расставания.

– Ну что ты, Паша, конечно, мы обязательно вернемся, – ответил Сигурд.

Боривой тронул своего коня, за ним последовал окольчуженный воин, которого друзья видели при входе в дом.

– Давай молодцом, дружище, – улыбнулся Вадим, – теперь ты – сын вождя, наследник. Видишь, как оно обернулось.

– Удачи вам, парни!

Друзья тронули своих лошадок.

– Ну и бестолковый у вас язык этот москальский, – по-вепсски сокрушался Конди, махая отъезжавшим рукой.

Паша и сам удивился, что понял его и ответил тоже по-вепсски:

– Уж какой есть.

Когда всадники свернули на соседнюю улицу, вепс положил руку на плечо Павла.

– Пойдем к богам, надо готовиться.

Паша бросил прощальный взгляд туда, где скрылись за домами его друзья и ответил:

– Уж пойдем.

– Я вот тебя спросить хотел, а что ты ужа поминаешь? Эта змея – твой родовой предок?

Павел посмотрел на названного отца и ответил по-москальски:

– Тебе лучше не знать!

Глава пятая
В дружине Боривоя

Если тот берег – не политый нашей кровью.
Гораций

Как и обещал Боривой, ехали они недолго. Всего в двух верстах от Каргийоки их встретил конный разъезд. Воины, видимо, сразу узнали Боривоя и приветствовали его, подняв правую руку. Поравнявшись с ними, Боривой отдал какой-то приказ, и конники умчались вперед по дороге. Через несколько минут они выехали на большую поляну, где строилась славянская дружина. Воины образовывали походную колонну, становясь по четыре в ряд.

Вадим и Сигурд во все глаза рассматривали бойцов. На первый взгляд их было не более трех сотен – примерно столько же собиралось на Выборгском фестивале. Большинство воинов были пешей ратью. Друзья заметили только около полусотни всадников, которые выделялись на фоне пеших своим вооружением. Почти все конники имели шлемы, кольчуги, небольшие миндалевидные щиты[25] и длинные копья. Пехота практически не имела кольчуг, вместо этого одни воины носили кожаные рубахи, у некоторых на них были приклепаны металлические пластины, другие – использовали безрукавные накидки из коровьих шкур. В отличие от конников, металлические шлемы были не у всех пехотинцев – у многих имелись кожаные или войлочные, напомнившие друзьям банные колпаки. Пехота была вооружена топорами, мечами, копьями и сулицами.[26] Почти у всех были круглые или овальные щиты. Не более трех десятков воинов были вооружены луками.

«Не иначе будет дело», – подумал Вадим, глядя на словенское войско и вспомнив про свои недавние с друзьями догадки, решился спросить Боривоя.

– Скажи, Боривой, – поинтересовался Вадим, подъехав ближе, – а ты не слышал про Рюрика?

Словенин обернулся в седле.

– Рюрик? Кто такой?

Вадим не растерялся:

– В Альдегьюборге князем разве не Рюрик?

Боривой усмехнулся:

– Чудной ты, Вадим! В ихнем граде сидит нынче Гутрум, – он придержал своего коня, – запомни… Гутрум – первый враг нашего Новограда.

Боривой направил коня в голову строящейся колонны. Там он спешился и к нему тут же подбежали двое отроков, неся кольчугу, шлем и щит, украшенный изображением огненного колеса. И тут друзья услышали, как отроки обращаются к Боривою – княже! Вадим и Андрей слезли с коней, стали разминать ноги. Новгородец быстро облачился в доспех. Его кольчуга оказалась длиннее, чем у всех видимых друзьями у прочих воинов. Мелкие кольца были отдраены до блеска, видимо, заботливыми отроками-оруженосцами, и теперь весь доспех отблесками играл на солнце. Конический, невысокий шлем, который надел Боривой, имел наносник и по окружности был отделан волнистыми медными накладками. Первым не выдержал Вадим, его так и распирало любопытство:

– Боривой, так ты что же – князь?

Новгородец развернулся к ним.

---

[25] Их еще называют щиты-капли, формой они напоминают каплю, использовались изначально только всадниками, впоследствии появились и у пехоты – строевые капли.

[26] Сулица – короткое метательное копье, как правило, длиной в 1–1,2 метра.

– А ты, я вижу, не рад этому?

Вадим не нашелся, что ответить, у него сейчас в голове роилась тьма вопросов:

– Новгородский князь?

– Что-то смел твой новый знакомец, княже!

Друзья обернулись, рядом стоял здоровяк, чуть ниже их ростом, в кольчуге и со шлемом в руке. Его длинные волосы были с изрядной проседью, как и его огромная борода.

– Вот посмотри, ипат,[27] – сказал князь, указывая на друзей, – привел нам двух воев.[28]

Воевода пристально оглядел обоих.

– Спытать бы надо, княже.

– Я уже спытал, Радей!

Воевода приблизился к друзьям.

– Ну-у-у, кто такие?

Они представились грозному Радею.

– Вадим.

– Сигурд.

– Варяг? – не поверил ипат.

– Это мой варяг, – поспешил заверить Вадим.

– Не заедай их, Радей, – осадил князь.

Боривой сел на подведенного отроком гнедого жеребца с длинным хвостом и не менее длинной гривой.

– Определи их в десяток к Палею, пусть обживаются. И не забудь гонца снарядить к Гостомыслу.

– Сделаю, княже, – ответил Радей.

Князь тронул коня и в окружении окольчуженных всадников двинулся вперед. Колонна пехотинцев дрогнула, сдвинулась с места – пошла. К воеводе тоже подвели коня, он обернулся и недоверчиво глянул на друзей.

– Десяток Палея идет в самом конце дружины, – сказал Радей, залезая на коня. – Скажите ему, что князь приказал, – вы теперь в его десятке.

– А как мы его узнаем? – спросил Вадим.

– Палей – щербатый! – воевода развернул коня и пустился догонять князя.

– Ну и что теперь? – спросил Сигурд. – Я так и буду твоим варягом?

– А какие варианты?! Ты хотел, чтобы тебе голову срубили за твое варяжское реконструкторство?

«Опять начал», – раздраженно подумал Андрей. Память вновь вернула его к недавно проигранному им турниру. Обида на миг вернулась, и он, закусив губу, отвернулся от Вадима.

– Ладно, не обижайся, – миролюбиво начал Вадим, подметив замешательство товарища, – просто видишь, как у них тут викингосов не любят.

Андрей вспомнил, как при слове варяг Конди схватился за нож.

– А что ты там с Боривоем про Рюрика говорил? – спросил Андрей, чтобы сменить тему. – Я не расслышал.

– А то и спросил… и узнал, что Рюрика еще нет!

– Ага-а, – в раздумье протянул реконструктор, – значит, мы где-то в начале девятого века…

– Или ближе к середине девятого, – уточнил Вадим, – Рюрик появился около 860-го года.

---

[27] Ипат – здесь воевода.

[28] Вой – воин.

– В 862 году, – поправил его Андрей.

– Да не суть, – отмахнулся ролевик, – в общем, мы теперь точно знаем, что мы попали раньше 860-х годов.

– Точно. Вот еще бы знать насколько раньше.

Оба замолчали, переваривая сделанные выводы. И тот и другой подумали об оставленном в Каргийоки Павле, и оба пришли примерно к одинаковому выводу – что Павлу от знания примерной даты попадания в историю ни горячо, ни холодно.

– Ты в армии служил? – вдруг спросил Вадим.

– Нет.

– Вот и я нет. Зато теперь послужим.

Они ждали на обочине дороги, пока пройдет колонна, чтобы вступить в десяток Палея. Но ряды новгородцев шли не спеша, и они смогли в подробностях разглядеть все воинство и лица ратников. По большей части это были зрелые бородатые мужики, но были и безусые парни. Шагали твердо и уверенно, видать, привычные к пешим переходам.

– Вот ведь, – сокрушался реконструктор, – я так мечтал увидеть Альдегьюборг, и чего это нас к славянам занесло?

– Родину защищать! – не то серьезно, не то шутя произнес Вадим.

– Понятно… – многозначительно протянул реконструктор, – и все же интересно, что это Боривой нас, почти незнакомых ему людей, так лихо в дружину завербовал?

– Даю сто процентов, – ответил Вадим, – что он хочет поближе с нами познакомиться.

– Ага, чтобы мы, значит, у него на глазах были?

– Ну типа того…

Колонна почти прошла, и тут Вадим заметил среди последнего идущего десятка щербатого воина в кожаном шлеме.

– Палей! – громко позвал Вадим.

Щербатый воин повернул голову. Неглубокие мелкие оспины покрывали почти все его лицо, отчего он казался угрюмым. На нем была накидка из коровьей шкуры, накинутая поверх коричневой кожаной рубахи. Одеяние перехватывал тонкий ремень, за который была заткнута увесистая секира. В руках Палей держал круглый щит.

– Пошли, – сказал Вадим реконструктору, – вон наш десяток.

Получив приказ князя, Палей поставил их в последний ряд, где они зашагали, замыкая колонну всей дружины.

Прошагав примерно час, Андрей заметил, что Вадим напряженно о чем-то думает; хмурит брови, прищуривает глаза.

– Ты чего такой грустный? – спросил реконструктор.

– Да ты знаешь, все пытаюсь вспомнить, где я уже слышал это имя…

– Что за имя?

– Боривой. Видишь ли, мне кажется, что-то очень знакомое…

– Знаешь, а вот мне показалось другое имя знакомым.

– Ну и?

– Князь просил воеводу отправить гонца к Гостомыслу…

– Гостомысл, Гостомысл, – в раздумьях произнес Вадим.

– Хм, Боривой, хм-м-м… Боривой, – что-то вспоминая, бубнил Андрей.

Шли без остановки часа три или четыре, пока не уперлись в большую реку. Был объявлен короткий привал. Воины разместились по десяткам, по обе стороны от дороги и принялись утолять голод и жажду из имеющейся у каждого походной заплечной сумки. У друзей тоже была снедь, заботливо дарованная вепсами – два отменных копченых сига, хлеб и вареные яйца. Ели молча, не спеша.

– Точно, – вдруг, хлопнув по коленке, изрек Андрей, – точно, я вспомнил! Гостомысл – это новгородский князь и отец Ульфиллы.

– А Ульфилла, кажется, мать Рюрика, – неожиданно для самого себя припомнил Вадим.

– Ну точно тебе говорю, в новгородских изводах[29] есть упоминание о Гостомысле, – с азартом продолжил Андрей, – он выдал свою дочь за какого-то финского князя и у них родился Рюрик.

– Все это бабушкины сказки, – спокойно ответил Вадим, стряхивая с колен хлебные крошки, – которые идут вразрез с фундаментальной наукой. Легенда, не более того.

– Ну не скажи. Гостомысл точно есть, и ты это слышал.

– И что? Мало ли Андреев ходит по земле, не все же Боголюбские.

– Да ну тебя, – огрызнулся реконструктор.

– Ну хорошо, а при чем тут Боривой? Ах, ну да, конечно, – Вадим щелкнул пальцами, – Боривой – легендарный новгородский князь и отец Гостомысла.

– Вот именно, – подтвердил Андрей, – и это тоже, кажется, есть в летописях.

– Ты вот сам типа варяг, а теперь что? Рюрик не варяг, а сын какого-то финского князя и славянки.

– Я сказал финского князя, в смысле сидевшего на финских землях, а так отец Рюрика викинг, варяг…

– Ага, вот оно что, значит, все-таки призвание варягов было.

– А чего ты огрызаешься? – Андрей посмотрел Вадиму прямо в глаза. – Рюрик – внук Гостомысла, кого же было новгородцам звать на княжеский стол, как не прямого потомка новгородских князей…

– Ладно-ладно, – примирительно произнес Вадим, – допустим, что так оно было. Из всего этого меня сейчас волнует определенность по годам. Наши, так сказать, временные координаты.

– А что не так?

– Если предположить, что Рюрик еще в проекте, то сейчас идет борьба за новгородскую самостийность от викингосов, ибо сказано, что перед тем как призвать Рюрика, словене новгородские совместно с финно-угорскими племенами выгнали врагов со своих земель и стали сами собой владеть…

– Так точно, – по-военному отчеканил Андрей, – только вот я припоминаю, что в летописях писано, что борьбу эту возглавил Гостомысл, а у нас дружину ведет князь Боривой.

– Да не суть, – махнул рукой Вадим, – кто бы не начал эту борьбу, главное – что она идет, а Рюрика еще и в проекте нет, следовательно, у нас на дворе примерно 820-е года.

– Или 830-е года…

– Ха, звучит, конечно, несколько неопределенно…

– Ну и что с того?

– Согласен. Пусть по времени будет небольшой плюс-минус. Вот только почему мы знаем, что Новгород якобы основал Рюрик, ибо, как говорится, все началось с Рюрикового городища, а у нас по факту Новгород уже существует, а Рюрика еще нет.

– Ну-у-у, – загадочно протянул реконструктор, – все возможно…

– М-да, – не менее загадочно вздохнул Вадим, – значит, мы сейчас в самом разгаре, как говаривал старик Гумилев, русского пассионарного толчка… слияние этносов, образование суперэтносов и прочая, и прочая…

– А тебя что-то не устраивает?

– Да все меня устраивает, кроме наличия четкого плана – что делать?

– Ладно, как-нибудь разберемся.

---

[29] Извод – летопись.

– Конечно, разберемся, но с планом все же как-то понятнее. Особенно совершенно не ясно, как нам домой возвернуться.

Они почти одновременно заметили спешившего к своему подразделению десятника Палея. Еще в самом начале привала он куда-то запропастился и вот теперь со всей мочи поспешал назад.

– Вот Пашка огорчится, когда узнает, как далеко во времени нас занесло, – философски заметил Вадим, всматриваясь в жестикуляцию десятника.

– Да, а чего ему, – ответил Андрей, – лучше нашего устроился, а вот у нас тут что-то затевается, – он кивнул в сторону Палея.

Тем временем Палей принялся поднимать людей, на ходу сообщая всем, что мост через реку сожжен и что всем приказано валить деревья и вязать плоты.

* * *

Закончив обед, почти все десятки разошлись по лесу, и вскоре со всех сторон послышались удары топоров. Деревья валили и стаскивали к берегу, где из них при помощи крепких веревок связывали большие плоты.

Через два часа было готово несколько вместительных плотов, и переправа началась. Первыми переправились два десятка конников, которые, выскочив на берег, тут же унеслись вперед разведывать дорогу. Переправа остановилась на время и возобновилась только тогда, когда вернувшиеся из разведки всадники подали сигнал – мол, все в порядке.

Плоты сделали еще несколько рейсов, перевезя на противоположный берег четыре десятка конников. Князь с высоты седла наблюдал за переправой. Казалось, он был доволен – все шло по намеченному плану. Наконец пришла очередь переправляться пехоте. Десяток Палея находился ближе всего к плотам и потому одним из первых погрузился на него и благополучно переправился. Когда второй рейс с пехотинцами отчалил от берега, с двух сторон, из-за поворотов реки выскочили ладьи викингов. С одной стороны приближалось два драккара, с другой – шло три. Их заметили на обоих берегах. Воины на плотах быстро заработали шестами, пытаясь вернуться и пристать к берегу. Вадим видел, как на противоположном берегу Боривой отдает приказы. Воины строились в шеренги на песчаном пляже, прикрываясь щитами, готовые отразить десант. Вперед выступили лучники, тоже приготовились встречать незваных гостей.

– Викинги! – с трепетом в голосе, воскликнул Сигурд, глядя на стремительно приближающиеся драккары.

Вадим обернулся – на этом берегу было не более пяти десятков пехоты и семь десятков конных. Полетели первые стрелы. Лучники новгородцев начали перестрелку с противником. Не все плоты успели повернуть к спасительному берегу – несколько из них снесло течением прямо под форштевни драккаров. Ладьи викингов с разгону налетели на плоты, и словене, не удержавшись на ногах, посыпались в воду, как спелые фрукты с деревьев. Упавшие в воду новгородцы тонули, а тех, кто пытался выплыть, добивали стрелами и сулицами. Дружина Боривоя разом потеряла два десятка бойцов.

Палей и другие десятники выстраивали своих людей на берегу, ожидая десанта врагов. Вадима и Сигурда, как не имевших щитов, поставили в третий ряд. Драккары развернулись и устремились к берегу. Глубина позволяла и четыре ладьи подошли вплотную. Пятая ладья встала перпендикулярно, прикрывая своим бортом десант от стрел с противоположного берега. Форштевни уткнулись в песок, и викинги стали быстро выпрыгивать через борт.

– Вот сейчас будет нам бугурт! – с трепетом в голосе произнес Сигурд.

– Придется убивать, – констатировал Вадим, – или мы, или нас.

Реконструктор нервно сглотнул, а Вадим, нахмурив брови, потянулся к мечу на поясе:

– Ну, сейчас начнут, только подавай!

Четыре драккара почти полностью опустели – викинги были уже на берегу. Немногочисленным словенским лучникам, бывшим на этой стороне, удалось поразить нескольких врагов-северян. Но тут раздалась зычная команда.

– Скъяльборг![30]

Высадившаяся толпа викингов мгновенно вскинула щиты, образовав сплошную стену, и ощетинилась копьями. Они успели вовремя, так как по дороге неслась словенская конница. Пехота расступилась, пропуская конную лавину.

На другом берегу князь увидел, как его конница с разгону ударилась о стену щитов. Викинги дрогнули, подались под напором на два шага назад, но устояли. Копья северян приняли на себя тела лошадей и всадников. Со второго ряда, через головы своих товарищей дружно ударили секиры на длинных древках.

– Это хускарлы, – с завистью произнес Сигурд, – лучшие воины хирда.[31]

– Да-а уж, – протянул Вадим, видя, как из третьего и четвертого ряда в конников полетели сулицы, – явно дядьки, по всему видно, сурьезные…

Сердце Андрея сжалось. Перед ним шел настоящий бой, и если дело пойдет и дальше так, то ему самому придется убивать. Но убивать не хотелось – это было странное чувство, смесь опасности и страха в предвкушении крови.

Лучники пехотинцев тем временем вели перестрелку с лучниками врага, которые остались на ладьях. Одна стрела, пущенная с драккара, жадно впилась в дерево рядом с Вадимом. Он невольно поежился – смерть была рядом. «Вот она – настоящая реконструкция. Одна стрела – и будь здоров!» – невольно подумал Вадим, глядя, как лучники северян вновь прилаживают стрелы на тетиву. Но он одновременно с осознанием возможной близости смерти ощутил какой-то прилив сил. Ладонь правой руки нестерпимо зачесалась. Он сжал кулак и стал карябать пальцами ладонь, пытаясь унять, успокоить эту внезапно нахлынувшую чесотку…

Бой продолжался уже несколько минут, и вершники словен не выдержали, они повернули коней назад. Боривой, видя бегство своей конницы, приказал немедленно грузиться воинам на плоты. Он прекрасно понимал, что на том берегу слишком мало его людей, чтобы сдержать натиск врагов. Под прикрытием щитов и своих лучников, дружина стала спускаться к плотам. Заметив этот маневр, викинги с драккара охранения усилили обстрел.

Тем временем отступившая конница словен промчалась по дороге, уступая поле боя своей пехоте.

Палей и другие десятники громко заорали, приказывая построиться. Вадим и Сигурд заняли свои прежние места в третьем ряду. Пехота новгородцев перекрыла узкую дорогу. Северяне тоже вытянули свой фронт на ширину дороги и, переступив через тела лошадей, словен и своих павших товарищей, двинулись вперед. Вадим услышал какую-то команду, раздавшуюся среди викингов, но слов не разобрал, да и не знал он скандинавского, так, несколько слов. По этой команде нападавшие метнули короткие копья. Прямо под ноги друзьям упал воин со второго ряда, в его груди торчало короткое копье.

– Ну вот! Теперь держись! – громко сказал Вадим.

Рука по-прежнему продолжала чесаться. Вадим быстрым движением выхватил меч из ножен. Приятная теплота рукояти мгновенно успокоила ладонь. Внутри него словно медленно разворачивалась мощно закрученная пружина. Мышцы всего тела напряглись в ожидании смертельной схватки. Как ни странно, но он был готов убивать. Да! Готов, и это даже

---

[30] Скъяльборг – стена щитов; тактическое построение, когда строй со всех сторон, в том числе и сверху, прикрывается щитами.

[31] Хирд – семья, дружина.

радовало его сердце. Он и сам не мог себе это объяснить, но ему страстно хотелось испытать себя в настоящем бою, когда не на жизнь, а насмерть, и никаких тебе хитов.[32]

Викинги перешли на бег и две массы столкнулись. За счет разбега северянам удалось сразу же сбить с ног нескольких новгородцев из первого ряда. Из второго ряда атакующих тут же вылетели секиры, проламывая щиты, шлемы и кости. Через секунду первый ряд новгородцев погиб полностью. Прозвучала новая команда, и викинги навалились. Первая шеренга пригнула головы, выставив вперед щиты. Они уперлись в них шлемами и рванули. Задние ряды тоже налегли. Теперь северяне старались не столько убивать врагов, сколько теснить их по дороге. Под таким напором многие из новгородцев спотыкались и падали, надвигающиеся враги тут же приканчивали их мечами и секирами. Перед друзьями упал еще один воин, и щиты викингов уперлись им в грудь – их теснили.

Вадим и Андрей пятились под напором противника. Викинги теснили новгородцев, теснили и убивали. Шаг за шагом друзья отступали все дальше от берега. В любую секунду давление может ослабнуть, и викинги, резко отдернув щиты назад, дружно заработают мечами и секирами, а тогда – хана! Мысли мелькали с быстротой молнии, Вадим понимал, что надо срочно что-то предпринять. Остановиться, упереться рогом и ударить.

– Стоять! – заорал он, что было сил. – Стоять, мать вашу!

Андрей плечом уперся в давивший его щит викинга и бросил взгляд на друга. Он понял замысел Вадима и тоже прокричал:

– Стоять! Стоять!

– Новгородцы! Упрись! Навались! – Вадим особенно и не рассчитывал, что словене поймут его команды, но с каждым новым его окриком, он спиной чувствовал, что задние шеренги начали давление вперед. Продвижение викингов замедлилось и вскоре остановилось совершенно. Две массы вооруженных людей стояли на месте не в силах сдвинуть друг друга с места.

– Один! – подбадривали себя северяне.

– Новгород! – выкрикивали дружинники Боривоя, продолжая сдерживать врага.

Друзья слышали за своими спинами, как словене, сжавшись в плотному строю, поминали своих богов, призывая их на помощь, при этом не забывая отпускать в адрес врагов крепкие словечки. Впрочем, викинги не оставались в долгу. Их низкие гортанные ругательства вылетали из их рядов, словно короткие выстрелы.

Тем временем подмога, посланная князем Боривоем, достигла середины реки, а драккар охранения, уже развернувшись, летел на них. Неповоротливый плот не мог увернуться от удара. Ладья викингов ударила форштевнем в плот – люди оказались в воде, тех, кто еще оставался на плоту, поразили стрелами. Поняв, что единственное спасение это взять драккар на абордаж, словене направили плоты к нему. Но ладья резко меняла направление движения, гребцы пересаживались и тут же гребли обратно. Драккар викингов был великолепно приспособлен к движению как вперед, так и назад, он с легкостью избегал абордажа.

* * *

Вадим посмотрел на Андрея.

– Давай оттолкнем их.

– Ага, – мотнул головой Андрей, – понял…

Вадим повернул голову налево. Бородатый словенский дружинник, перехватив двуручный топор обеими руками, упирался им в щит викинга.

---

[32] Хит – ролевое и турнирное понятие, ограничивающее количество попаданий по бойцу, после которых он считается выведенным из боя – «убит».

– Оттолкнешь – и сразу руби! – сказал ему Вадим.

– Угу, – пробурчал воин.

– Давай! – выкрикнул Вадим, мощным толчком отбросил от себя щит викинга и тут же ударил мечом. Ударил зло, остервенело – раз, второй, третий…

Краем глаза он заметил, как бородатый дружинник слева отбросил от себя щит противника, замахнулся и влупил по щиту так, что крайняя доска расщепилась и отлетела в сторону. Второй удар бородача пришелся аккурат в шею викинга. Лезвие двуручного топора проломило толстую кожаную рубаху северянина, легко сломало кости, играючи порвало мышцы и прошло до середины груди. «Ого! Мама дорогая», – промелькнуло в голове Вадима, и собственная шея болезненно заныла, как будто это ему нанесли смертельный удар. Но думать о прекрасно-разрушительном воздействии двуручных топоров на бренное человеческое тело было некогда. Он еще раз ударил по щиту противника, но расщепить щит мечом не получалось.

– Коли его, Сигурд! – крикнул он, видя, как его друг также безрезультатно бил по щиту своим скрамосаксом.

Крикнув, он сам изловчился и ткнул викинга куда-то под щит. Раздался сдавленный крик, и щит перед Вадимом опустился. На него смотрели яростные глаза врага. Увидев это, Сигурд с силой ткнул викинга в грудь, пробив его кожаную рубаху. В образовавшейся бреши лишь на миг Вадим увидел локоть соседнего викинга, не раздумывая, он ударил. Рука северянина надломилась и выпустила меч, но левой со щитом он попытался ударить Вадима, сделав взмах. На миг он открылся, и откуда-то из-за Вадима в бок викинга ударило копье – враг выронил щит и упал. Северяне из второго ряда тут же заменили павших товарищей, и на друзей обрушились удары щитов. Вадиму удар пришелся умбоном в грудь, он пошатнулся, но устоял. А Сигурду другой щит угодил торцом в лицо, от мощного удара парень упал. Вадим, сжав меч двумя руками, яростно ударил сигурдова обидчика в шлем. Удар получился такой силы, что шлем северянина не выдержал и прогнулся. В следующее мгновение Вадим вновь получил умбоном, но уже в лицо. Мир в глазах завертелся, а затем потух. Они упали почти одновременно с тем викингом, которому Вадим пробил шлем…

* * *

Вадим очнулся, когда бой еще продолжался. Тяжело открыв глаза, он слышал шум битвы и стоны раненых – ужасно болела голова, дышать было трудно. Приподнявшись, он увидел, как строй викингов скрывается за поворотом, тесня остатки новгородцев. Дорога, по которой наступали северяне, была усеяна изуродованными трупами и обломками оружия. Вадим сел, инстинктивно обтер лицо рукой, и его пронзила адская боль. Нос оказался сломан, все лицо было залито кровью – голова закружилась. Сидя, он покачнулся и, чтобы не упасть, оперся рукой о чей-то труп. «Андрей!» – мелькнула тревожная мысль в его гудящей от боли голове. Он покрутил ею и в метре от себя увидел лежащего лицом вниз друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.